

Уроженски Детеник

Татяна Луѓанцева

Как с гуся вода



Иронический детектив (АСТ)

Татьяна Луганцева

Как с гуся вода

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Как с гуся вода / Т. И. Луганцева — «Издательство АСТ»,
2022 — (Иронический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-151891-2

Ох, не зря балерины, даже бывшие, сладкого боятся как огня, фигуры берегут. Вот Варвару Абrikосову любовь к горькому шоколаду до добра не довела. Она даже поклонника особенного завела, директора кондитерской фабрики. Не только из-за конфет, конечно, но и чтобы раззадорить своего друга Габриэля. А то парень назло ей явился на новогоднюю встречу в кафе с очередной красоткой. А раз так, то она, Варвара, ушла с новым кавалером... на его кондитерскую фабрику! Не знала экс-балерина, а ныне сотрудница сысского агентства, что на фабрике этой творятся такие дела, что и вообразить себе невозможно!..

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-151891-2

© Луганцева Т. И., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Как с гуся вода	6
Убийства в шоколаде	29
Глава первая	30
Глава вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Луганцева Как с гуся вода



© Т.И. Луганцева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Как с гуся вода

Люди с детства в той или иной степени любят зиму. Конечно, когда наступают холода и начинает дуть пронизывающий ветер, многие корчат недовольные гримасы и думают: «Скорее бы лето!» Тогда возвращается тепло и становится так радостно на душе. Это время, когда девушки ходят с красивыми распущенными волосами, хвастаются не только маникюром, но и педикюром. А самое главное – никто не надевает всю эту кучу теплой одежды, утяжеляющую человека на несколько килограммов.

Но спросите любого: согласился бы кто-нибудь жить совсем без зимы? Не задумываясь, многие ответят – конечно! А если поразмыслить... Никогда больше не видеть снега? На это согласится далеко не каждый. Исчезновение свежего холодного снега станет чем-то вроде тоски по родине, своеобразной томительной ностальгией. В конце концов, мы же не африканцы! Русские люди любят зиму, они вспоминают свое детство, санки, лыжи... Зима может быть такой же зажигательной, как бразильский карнавал, только с лучшим убранством. Такой ледяной, до мозга костей пробирающий, чистый, прозрачный воздух, яркое слепящее солнце, миллиарды снежинок, и каждая – со своим удивительным природным узором, переливающаяся своим неповторимым преломлением лучиков света в морозных гранях... Свежий снежный хруст под сапогами словно говорит: все в этой жизни будет хорошо.

Бывают и иные зимы – теплые, влажные, с обильным снегопадом. Снег идет крупными хлопьями. Хлопья эти ложатся в большие рыхлые сугробы, оседающие неторопливо и степенно – на ветках деревьев и кустарников, на одежде и даже на ресницах. Деревья с благодарностью принимают пушистый сверкающий снежный наряд от небесного кутюрье. И ни один модельер на земле еще не придумал ничего более красивого. Леса превращаются в сказочные чащобы, ветки деревьев застывают в гордом любовании собой и не шевелятся в новых белых шубках.

Для Родимцевой снежная зима ассоциировалась с детством и только с самыми хорошими воспоминаниями. Их семья жила в маленьком сибирском городке. Зимние ночи бывали так длинны, что казалось, день не наступит никогда. Каждое утро дедушка сажал ее на деревянные самодельные санки и катил за три километра в садик, куда свозили всех детей в округе. Можно было доехать и автобусом, старым и редко ходившим, но дед предпочитал пройти для здоровья и дать ребенку подышать свежим воздухом. Она очень хорошо помнила, как ее, завернутую в несколько слоев теплой одежды, словно в большой кокон, сажали в санки, и дед, которого она представляла своей лошадкой, начинал свой долгий, неспешный, монотонный путь.

Она сама была тогда маленькой принцессой или Золушкой, которую везли в карете во дворец. И вот сидела она таким закутанным кулем, ей было тепло, и все было нипочем – и щиплющий за нос морозец, и колючий мелкий снег, секший лицо иголками, словно желавший нарушить это благодатное состояние. Приятное скольжение отполированных лезвий санок по утопанной спешившими на работу людьми дороге завораживало ее. Неспешный путь вводил ее в транс, давал полное расслабление и чувство комфорта. Девочка наблюдала за сверкавшими в свете фонарей и звезд сугробами, проплывавшими мимо, и представляла, что ее дорога, как у настоящей принцессы, усыпана бриллиантами, вымощена драгоценными камнями...

Прошли годы. Жизнь оказалась отнюдь не прекрасной сказкой, как ей думалось в детстве. Не было больше маминых рук, укутывавших ее с особой тщательностью и заботой. Ушли в прошлое заботливо связанные бабушкой шерстяные носочки, не стало и сильных рук деда. В детстве ей казалось, что это не закончится никогда, что эти добрые крепкие руки все время будут тянуть ее санки вперед, к заколдованному замку, по дороге, усыпанной снежными алмазами. Сказка кончилась, это случается рано или поздно в жизни любого человека.

В жизни Снежаны – так звали девочку – это доброе привычное волшебство оборвалось настоящей трагедией. Во время одного из привычных утренних путешествий на санках мороз-

ным утром с дедом Снежаны, заменившим ей отца, случился сердечный приступ. Веревка, привязанная к санкам, безжизненно повисла и упала на мёрзлую землю. Убаюкивающее скольжение полозьев по заледеневшему снегу оборвалось. Снежана явственно ощутила закрадывавшийся в душу страх, услышала стук своего маленького сердечка. На воплощении ее мечты, на сугробе из искрящихся снежинок лежал неподвижный дедушка. Страх сковал ее холодным обручем... Их нашли только через два часа – в садике обеспокоились, почему не пришла Снежана, и позвонили им домой. Морозный воздух, припорошенный снегом мертвый старик и маленькая, испуганная, почти уже замёрзшая девочка...

Снежана очень испугалась. Она долго звала деда и плакала, пока у нее не пропал голос. Никто не пришел им на помощь, от холода занемело все тело, а снег, впервые оказавшийся врагом, бесстрастно присыпал ее и мертвого дедушку белыми хлопьями. Конечно, маленькая девочка не могла осознать, что она побывала на волосок от смерти. Она поняла это, лишь когда выросла. А после того несчастья Снежана долго пролежала в больнице. Полгода она почти не разговаривала, стала очень замкнутой и нелюдимой. От нее ускользал смысл фразы: «Дедушка больше не будет жить с нами, он теперь на небе». Она помнила синюшное лицо деда с открытыми неподвижными глазами. Он не отозвался на ее отчаянный плач, и маленькая Снежана смутно чувствовала, что произошло нечто ужасное. Она злилась на это непонятное небо, отобравшее у нее деда, и на него самого, так внезапно разрушившего ее прочно установившийся детский мир – сказку. Уже в школе, узнав, что же это такое – смерть, Снежана ночами плакала. Она вспоминала деда и обвиняла в его смерти себя. «Старый человек не должен был везти меня на санках так далеко!» Или: «Я должна была не реветь, как полный несмышлениш, а позвать на помощь, и его, возможно, еще успели бы спасти...»

Так как дед был единственным мужчиной в их семье, сразу же почувствовалась нехватка мужского внимания и заботы. Бабушка, прожившая с мужем почти пятьдесят лет, после его кончины угасла за год, потеряв опору и интерес к жизни. Она тихо умерла во сне. Снежане уже не требовались объяснения, что бабушка ушла на небо. Она даже робко, тайно по-своему обрадовалась, что деду теперь будет не так одиноко там, наверху...

Снежана была тихой примерной девочкой, не вызывавшей ни у кого нареканий. Она окончила школу твердой «хорошистикой» с примерным поведением и отличной характеристикой. Несмотря на то что они остались совсем одни, мама снарядила Снежану в другой город, чтобы дочь поступила в институт – она понимала, что так будет лучше. В их маленьком городке имелось всего два училища: педагогическое для девочек и слесарное для мальчиков. Судьба большинства детей была предрешена. Кое-кто из стремившихся к чему-то лучшему отличников уезжал, пробовал получить высшее образование, и большая их часть обратно в эту «дыру» уже не возвращалась. Мать так и сказала Снежане:

– Хоть я и рискую сойти с ума в полном одиночестве, но жизнь тебе портить не собираюсь. Здесь у тебя одна судьба – стать воспитательницей в детском саду. Все! Потолок! А так – выучишься, человеком станешь. Ни у кого из нашей семьи особого образования не было, перед тобой все дороги откроются. Я смогу гордиться тобой, – со слезами на глазах добавила она, – тем более что школу ты окончила хорошо. Хотя, конечно, я буду за тебя очень переживать. Как-то тебе придется во взрослой жизни?

Снежана окончила институт неподалёку от Москвы, а затем мама сделала ей еще один подарок. Она продала свою трёхкомнатную квартиру и заявила:

– Поезжай-ка ты, дочка, в Москву! Да, да, именно туда! Купи жилье, устраивайся на работу и живи, как люди!

Этот щедрый жест был вызван уколом совести. Мать впервые за всю свою жизнь, в возрасте сорока пяти лет, наконец-то встретила мужчину и создала семью. За спиной ее словно выросли крылья. Она не была больше одинокой и почувствовала себя счастливой. Мало того:

у нее родилась крепкая, здоровая девочка, желанный ребенок. Все внимание матери переключилось на малышку. Снежана, учившаяся далеко от дома, оказалась в роли одинокого птенца, уже выросшего, но все еще не умеющего летать.

Она сама к тому времени уже получила первые уроки взрослой жизни, пережила первую и, как это часто бывает, несчастную любовь. В общежитии Снежана познакомилась с одним парнем на курс старше ее. Он был очень любезен и обходителен, носил ее сумку и пакеты с продуктами, давал свои конспекты. Снежана просто «купилась» на его красноречивые обещания, что они сразу же поженятся, как только закончат институт.

«Потому что мы сейчас – бедные студенты, а ты заслуживаешь самой роскошной и красивой свадьбы на свете! Пока что я тебе ее устроить не могу, а вот в будущем...» Снежана прожила с ним три года, а потом ее кавалер благополучно женился на женщине на десять лет старше. Знаком он с ней был всего неделю, но успел оценить степень ее благосостояния – по квартире, машине и «брюликам», которыми она обвешивалась без меры. Снежана думала, что она никогда не оправится от этого предательства, но, как ни странно, жизнь продолжалась.

Она купила жилье. Денег хватило на однокомнатную квартиру на окраине Москвы. Но все равно Снежана чувствовала себя человеком, она знала, сколько в Москве приезжих, они снимают запущенные неуютные квартиры или мотаются из дальнего Подмосковья в Москву на работу. Несколько лет девушка проработала учительницей в школе, затем занялась частным репетиторством, потом полностью перешла на частные уроки, дававшие ей и заработок, и свободу. К тридцати годам, не считая истории с однокашником, разбившим ее сердце, Снежана испытала пару неудавшихся романов с женатыми мужчинами и обрела полную уверенность в том, что она никогда не узнает, что же такое счастье, любовь, семья. Периодически рядом с ней возникали какие-то самоуверенные типы с глупыми шутками, но девушке совершенно не хотелось с ними связываться. Счастье обходило ее стороной, на ней словно клеймо стояло. Часто, прогуливаясь по парку, Снежана видела счастливые лица влюбленных, светящиеся глаза матерей с колясками и понимала, что они ничем не лучше и не хуже ее. Просто им на роду написано быть счастливыми, а ей – нет. И тонкая ниточка надежды, которая, как говорят, умирает последней, ускользала куда-то, необратимо и ужасающе. Снежана думала, что и из школы она ушла из-за того, что устала отвечать на неделикатные вопросы коллег: «Почему ты такая грустная? Отчего у тебя потухшие глазки? Когда же появится твой принц на белом коне? Неужели еще никого не встретила? И чего только этим мужикам надо? Все же при тебе!»

Кто понаглее, тот и продвигается в жизни. Снежана так не могла, хоть и понимала, какими способами некоторые женщины добывали себе счастье, как бы подворовывая на время чужих мужей и принимая из их семейного бюджета деньги – «спонсорскую помощь». Постоянно подливала масло в огонь и ее институтская подружка Лика.

– Не пойму я, подруга, что мужикам требуется? Почему ты маешься в одиночестве всю жизнь? Уже молодость прошла, а так ничего и не получилось, – заявила как-то она.

– Только не голоси, как на похоронах! – поморщилась Снежана. – Кому-то везет, кому-то нет...

– Ага! Мужикам надо улыбаться, вешаться на них, все делать для них, а не ходить с видом Снежной королевы. Они избалованные, за них бороться надо, завоевывать их! А ты как думала? На одного мужика по пять баб приходится. Вот он и будет выбирать. Чем ты лучше оставшихся? Сейчас уже не прокатит «путь через желудок» или «она мастерица в постели». Надо совмещать все качества, все!

Снежана растерянно посмотрела на подругу. Вот уж Лика-то старалась, просто из кожи вон лезла. Старания ее были вознаграждены, но весьма своеобразным образом. Лика никогда не оставалась одна, с ней все время были мужчины, но – разные. Снежану такое положение дел не устраивало. Она с детства была настроена на одного, своего собственного, принца.

Только, похоже, затерялся он где-то в жизненных лабиринтах, а возможно, и в юбках других принцесс...

– Ты не устала быть одна? – допытывалась Лика.

– Что ты хочешь услышать от меня? Крик моей души? Хочешь увидеть ее истекающую кровью изнанку? Конечно, мне плохо одной, но изменить свое отношение к жизни я не могу! Вот уж такой я уродилась!

– Бедная ты моя, – обняла ее Лика. – А мой бывший, Костик-то, намекал мне, что не против познакомиться с моей подругой поближе.

– Ты с ума сошла! – отстранилась от нее Снежана.

– А что? Он отличный любовник!

– Да как я с ним – после тебя? После своей подруги?!

– А я что – заразная? Да ладно, не смотри так на меня! Все я поняла. Так и зачахнешь ты в самом соку! У нас на работе тоже одна такая умная была, и все одна да одна... А потом смотрю, в больницу загремела, что-то ей там по-женски отрезали, в общем, конец делу. Сказали, что для нормального функционирования женской репродуктивной системы необходима регулярная половая жизнь. А говоря проще, по-русски, с мужиками надо спать, а плохие они или хорошие – это уже второй вопрос! Иначе и у тебя что-нибудь заболит, и тогда уже поздно будет. И матерью никогда не станешь.

* * *

Эти разговоры ни к чему конкретному никогда не приводили. Но произошел некий случай, придавший Снежане, так сказать, невиданное ускорение. Она два раза в неделю ездила давать уроки русского и английского языков к одному очень богатому клиенту, Всеволоду Владимировичу Шубину. Прочие ученики приходили к ней домой и платили значительно меньше. Чем конкретно занимался Всеволод Владимирович, Снежана не знала. Платил он ей исправно и более чем прилично.

Девочка, Злата, его дочь, нравилась Снежане, у них сложились вполне дружеские отношения. Злата была смышлёной и любознательной. Вначале возникли некоторые разногласия – девочка была избалована и считала, что Снежана – всего лишь очередная прислуга, а прислуге платит ее папа, поэтому учительница должна исполнять свои обязанности, а не воспитывать дочь хозяина, и слушаться Снежану вовсе не обязательно. Но Снежана смогла разъяснить Злате, что та должна уважать своего преподавателя. А ее отец отнюдь не выбрасывает деньги на ветер, платя ей зарплату – за эти деньги Снежана вкладывает знания в голову его дочери.

– Я уважаю тебя, ты, в свою очередь, уважаешь меня, – сказала она Злате.

– Ага, а при этом тебе платят деньги! – выпалила девочка.

– Любой труд оплачивается, – терпеливо пояснила Снежана.

– Хорошо... а могу я называть тебя не Снежана Игоревна, а просто Снежана? А то у тебя что имечко, что фамилия – смех один, – сморщила носик Злата.

– Ты можешь называть меня по имени, но обращаться к взрослому человеку следует на «вы», – ответила она, пряча улыбку.

Злате исполнилось уже тринадцать лет, она была высокой девочкой с намечающимися пышными формами, длинными темными волосами и круглым лицом с курносым носом.

Шубины проживали в роскошном четырёхэтажном коттедже с цокольным этажом и мансардой, в элитном посёлке «Восход» неподалёку от МКАД. В доме периодически появлялись домработница, кухарка, охранник, он же телохранитель, сопровождавший Злату в поездках. На дом приезжали и врачи, и массажисты, и сотрудники ресторанов быстрого питания, и масса каких-то неприятных людей – партнеров Всеволода Владимировича по бизнесу. К девочке при-

ходила и учительница музыки. А три раза в неделю ее возили в элитную частную школу в Подмосковье.

Злата привязалась к Снежане и заваливала ее кучей вопросов. Снежана старалась держать себя в рамках и не выходить за пределы обязанностей учителя. Но девочка как-то сумела влезть к ней в душу и стать чем-то большим, чем просто ученицей.

«Это понятно, – размышляла Снежана, – у девочки нет ни матери, ни сестры, ни кого-либо близкого рядом, с кем она могла бы поговорить, посоветоваться о чем-то, поделиться... Отец все время на работе, да и не очень-то он ее балует своим вниманием.

Конечно, Всеволод Владимирович заботится о Злате. Она одета, обута, накормлена, он следит за состоянием ее здоровья, дает ей хорошее образование, ни в чем ей не отказывает... Но как бы это выразиться... точно так же он заботится и о своем лабрадоре – сюда приезжает специалист и вычесывает ему шерсть.

Заботится хозяин и о своих породистых лошадях: за ними установлен регулярный ветеринарный контроль, дорогой корм взвешивают на весах по граммам. Все у Шубина учтено, все оплачено, дом ухоженный, богатый, крутой. Но ведь для маленькой одинокой девочки, запертой в стенах дорогой клетки, этого мало! Она не собака и не лошадь, у нее есть и мозги, и сердце, ей нужны любовь, внимание, человеческое общение. Ведь она входит в такой возраст... может, уже и влюбилась в кого-то, а поговорить ей не с кем».

Как-то раз Снежана набралась храбрости и напрямую заявила об этом Всеволоду Владимировичу. Он сидел в своем кабинете на втором этаже, водрузив ноги на стол, и недоуменно рассматривал Снежану. Примерно так смотрели бы люди на таракана, вдруг подавшего голос.

– Извините, – прищурился он. – Вы...

– Снежана. Снежана Игоревна, – быстро ответила она, переминаясь с ноги на ногу и отметив про себя, что он не предложил ей присесть.

– Так вот, Снежана Игоревна, за что я вам плачу? Правильно: за то, чтобы вы учили мою дочь... как это? Чему?

– Русскому языку, литературе и английскому языку, – перечислила Снежана, уже понимая, что диалог не получится. И все же она должна была попробовать.

– Вот именно! Кстати, как успехи у моей дочурки?

– Отличные.

– Вот и хорошо, вот и славно, а остальное не должно вас заботить.

– Но у Златы даже нет подружек, ей не с кем поделиться! – не отступала Снежана.

– А чем ей делиться? – удивился Всеволод.

– У каждой девочки ее возраста есть мечты, тайны, о которых ей хочется поговорить с близкой подругой. Вам не понять!

– Да, маленькой девочкой я никогда не был, – согласился Всеволод, смеясь и рассматривая учительницу так бесцеремонно, словно она была его собственностью. – А все, о чем вы мне имели честь поведать, – полная чушь! Девичьи сплетни! Мне в моем доме не нужны толпы ненужных зевак и глупое хихиканье.

– Но к вам ходят друзья...

– Дорогая моя Снежана Игоревна, у меня нет и никогда не было друзей. Больше скажу, их никогда и не будет. Потому что в наше время, тем более если у человека крупный бизнес, у него могут быть только партнеры, подчиненные и враги. И никому из них он доверять не будет: не имеет права. Меня так отец воспитывал, говорил, что человек в этой жизни может рассчитывать только на себя. И свою дочь я так же воспитываю. Вам с ней недолго возиться осталось. Когда Злате исполнится четырнадцать лет, я отправлю ее в частный закрытый колледж для девочек в Англию. Пусть получает образование и познает реалии жизни.

– Но это неправильно... она не должна быть одна, да еще в таком возрасте, – упорно повторила Снежана.

– А вы-то сами знаете, каково это? – Он вновь сощурил свои жесткие серые глаза с холодным металлическим отливом.

– Жить одной, вдали от близких? Знаю. Жизни это действительно как-то учит, но отнюдь не самым ее приглядным сторонам. А вот острое чувство одиночества и желание любви здорово мучают человека, – сказала Снежана.

– Любви? – презрительно усмехнулся Всеволод Владимирович. – Чушь собачья! Вы поощряете девчоночий интерес к мальчикам?

– Но это как раз вполне нормально! Заявляю, как педагог с высшим образованием!

– Если бы я узнал, что моя дочь встречается с каким-нибудь сопляком, я бы положил этому конец в тот же день! И уж поверьте мне, не поспешил бы на любые способы, методы и средства. – От резких слов хозяина дома повеяло таким холодом, что Снежана ему сразу же поверила. Ей стало совсем неуютно.

– Вы... запретите ей любить? – спросила она.

– Если понадобится, проявлю всю свою жесткость и силу воли. А сейчас, в ее тринадцать лет, еще рано об этом говорить. Вы учительница или сводница? О чем мы, собственно, беседуем? – вдруг вспыхнул он, нервно закуривая толстую сигару.

– Учительница...

– Вот и помните об этом!

«Знай свое место», – мысленно перевела Снежана.

– И потом: она – моя дочь. Если я почувствую, что с ней что-то не так, – приглашу на дом психолога.

«А ведь может оказаться уже поздно, – подумала Снежана. – Да и существует ли у вас, Всеволод Владимирович, какой-либо орган, которым вы смогли бы что-то почувствовать?»

– Снежана, что вы сами знаете о любви, чтобы разглагольствовать об этом с моей дочерью? – спросил он, немного успокоившись.

– Не волнуйтесь, Всеволод Владимирович, я знаю свои обязанности и имею представления о пределах подобных разговоров с девочкой-подростком.

– Я спросил о вас. – Хозяин дома растянул тонкие губы в неприветливой улыбке.

– Обо мне? – Снежана подняла бровь. – Не вы ли сами напомнили мне о моем месте и границах моей деятельности? Думаю, рассказ о моей личной жизни не поместится в эти жесткие рамки.

Всеволод Владимирович встал, обогнул стол и подошел к Снежане.

– Ну же, не сердитесь! Присаживайтесь. Я хочу с вами поговорить.

«Наконец-то соизволил предложить мне стул. Стою перед ним, как крепостная крепость!»

– Ну же, расскажите мне о себе, – смягчив тон, проговорил Всеволод Владимирович, пытаясь расположить к себе собеседницу.

Но вряд ли Снежана попала бы на этот крючок. Она прекрасно знала, каков ее хозяин и на какие меры он пойдет, если что-то или кто-то не подчинится его воле. Всеволод Владимирович был весьма видным, по-своему красивым мужчиной лет сорока, с жесткими темно-пепельными волосами, серыми глазами и плотно сжатыми губами. Он предпочитал классические мужские костюмы и белые рубашки, которые он менял так просто, словно они были одно-разовыми.

– Я не хотела бы говорить о себе. К тому же вы наверняка навели обо мне справки, прежде чем взять на работу в свой дом.

Всеволод сухо рассмеялся:

– А вы умная! Ладно, не стану вас допрашивать. Все, что требуется, я действительно знаю. А чтобы вы не утверждали, что я не участвую в жизни своей дочери, скажу: я знаю, что вы для нее стали человеком особенным.

Снежана смутилась.

– Да... я...

– Не надо лишних слов. Злата с нетерпением ждет вашего прихода. Она говорит о вас только хорошее. Я желаю получше познакомиться с человеком, ставшим... м-м... другом для моей дочери. Возможно, вы и есть та жилетка, которой девочки доверяют свои секреты? Я предлагаю вам отобедать со мной. Нам накроют в саду.

– Благодарю вас, – нейтрально ответила Снежана. Нельзя не уважить хозяина дома, платившего ей такие большие деньги за частные уроки.

– Тогда по рукам! – обрадовался Всеволод Владимирович. – Жду вас в саду минут через десять. Там все приготовят.

Снежана покинула его кабинет и решила заглянуть в ванную, припудрить носик. Ей не было так уж приятно общение с этим человеком, но, с другой стороны, за полгода ее работы у Шубина она впервые была удостоена такого внимания. Возможно, за обедом ей еще удастся поговорить о Злате и выдоить из скупого на ласки и внимание сердца хозяина хоть что-то для своей ученицы.

Снежана внимательно посмотрела на себя в зеркало. Отражение показало стройную молодую женщину, подходившую под категорию девушки. Худенькая, с вьющимися волосами светло-золотистого оттенка, красиво обрамлявшими ее аккуратную головку. Светлые, большие, распахнутые навстречу миру глаза, тонкий прямой нос и нежные пухлые губы. Снежана всегда знала, что она очень привлекательная женщина, даже сексапильная. Но поведение ее отличалось строгой сдержанностью. Она была в черном брючном костюме и ярко-бирюзовом джемпере-водолазке. Вид у нее не слишком праздничный, но ведь она не рассчитывала на обед с хозяином дома.

Снежана щелкнула замком сумки, достала блеск для губ и поярче накарсила губы. Ресницы у нее были длинные, с эротическим загибом. Она провела по ним кисточкой, наложив слой туши, и ресницы затрепетали. Всё, она готова.

Садом Шубин называл большую, крытую стеклянной крышей веранду с теплыми кирпичными стенами, заставленную экзотическими растениями. Великолепный зимний сад – кусочек лета, уголок рая, тропиков посреди холодной снежной русской зимы.

Бывают в жизни каждого человека моменты, западающие в душу, запоминающиеся с небывалой яркостью на долгие годы. Со Снежаной это и случилось, хотя она никогда об этом не думала. И главное – где? Рядом с туалетом, да еще в доме Всеволода Владимировича! Она вышла оттуда и столкнулась почти лоб в лоб с мужчиной, словно бы спустившимся на грешную землю из какого-то другого мира. Она остановилась и уставилась на него во все глаза. Высокий, не меньше метра восьмидесяти. Широкие плечи, узкие бедра... от таких фигур у Снежаны, оказывается, просто сносило крышу. Правда, узнала она об этом только сейчас. Лицо вполне обычное, а глаза... тёмные, глубокие. Густые черные волосы. У Снежаны даже голова немного закружилась. Они посмотрели друг на друга так, словно окружающего мира вообще не существовало.

– Всеволод Владимирович ждет вас, – наконец прервал затянувшуюся паузу мужчина.

– Да, да... я уже иду...

– Время – деньги, он не может долго ждать. – Голос незнакомца звучал некой неземной музыкой, а его бархатные темные глаза, казалось, смеялись.

Снежана почти с ужасом ощутила, что она готова упасть к нему на грудь и сказать: «Я на все согласна!» Поразительно на нее подействовала его внешность!

– А вы кто? – неловко спросила она.

– Обслуживающий персонал, – скромно ответил мужчина и протянул ей руку, – Дункан.

– Маклауд? – машинально проговорила Снежана, имея в виду бессмертного горца из художественного фильма. Что это – сон? Чудесный сон?.. Но она была не против, чтобы этот сон длился долго-долго. Вечно.

Мужчина улыбнулся так обаятельно... лучше бы он этого не делал! Ей стало совсем не по себе.

– Меня на самом деле зовут Дункан, но в России друзья называют меня Дима.

– Уже лучше, – ответила Снежана, протягивая руку. – Снежана.

– Очень приятно.

– Мне тоже, – покраснела она, чувствуя, что всю ее колотит от непонятного озноба. Что с ней происходит?

«Какой он красивый! Кто это? Откуда он? Боже мой! Такой мужчина... наверняка у него кто-то есть. Сколько сердец он, наверное, разбил! В глазах читается, что он все знает о нас, женщинах, видит нас насквозь. Он заметил и мою реакцию... Как я, наверное, смешна... Я просто ошалела от него! Но что я могу сделать? Нельзя быть таким красивым! Стоп! Никогда в жизни я так не терялась. Что он обо мне подумает? Как стыдно... но я ничего не могу с собой поделать. О чем это я? Нет, не то... Где я? Или – кто я? Почему мне так сладко, и страшно, и хочется плакать и смеяться одновременно? Я с ума схожу...»

– Снежана, вы слышите меня? – услышала она его слова сквозь какой-то туман, окутавший все ее существо.

– Да? Что? Да, я слышу! – Она оперлась рукой о стену. Твердая, крепкая. Помогает прийти в себя.

– Я говорю, что хозяин ждет!

– А! Вот оно что! – Она обрадовалась, что сумела вернуться в реальность. – Идемте... Что мы тут стоим?

– Действительно, – согласился Дмитрий и пошел вперед.

Все ее внимание было приковано к его фигуре. Она только сейчас спокойно смогла рассмотреть, что сложение у Димы идеальное, но он этого никак не подчеркивал. Одет он был с подчеркнутой небрежностью. Широкие черные штаны и пуловер в полоску, похожий на матроску моряка. Хотя Дима больше походил на пирата, а не на матроса.

Он вывел Снежану в просторное полукруглое помещение с окнами во всю стену. Стекланный потолок давал просторный доступ свету. Всеволод Владимирович поспешил им навстречу.

– Где же вы, Снежана, десять минут уже давно прошли!

– Я не смотрела на часы, – ответила она, еле сдержавшись, чтобы не добавить: «А когда увидела ваш обслуживающий персонал, просто потеряла счет времени».

– Вы уже познакомились? – спросил Всеволод. – Это мой садовник, Дун... впрочем, зовите его Дмитрием.

– Да, мы уже познакомились, – мягко ответил Дмитрий.

– Дело в том, Снежана, что официантов я вызвать не успел и обслуживать нас будет Дмитрий. Он не профессионал в этом деле, но, надеюсь, ты не против?

– Конечно, нет, – икнула Снежана. Он решил перейти на «ты»?

Она села за круглый стол с белоснежной скатертью и сложила руки на коленях. Дмитрий накрыл на стол, разложил приборы и огласил:

– Повар сказал: сегодня на обед суп из чечевицы, котлеты, капуста с укропным соусом и молочное желе с черникой.

– Очень хорошо. Неси, – откликнулся Всеволод.

Снежана удивилась. «Боже, что он ест?! Что это за гадость?» – подумала она.

Словно услышав ее немой вопрос, хозяин дома пояснил:

– Я питаюсь только растительной пищей.

– Вы вегетарианец? – откликнулась она, думая о другом.

– Но не из-за убеждения, что убивать животных жалко. Я просто берегу свое здоровье, не засоряю организм трупным ядом, который, что бы там ни говорили, всё равно выделяется при гибели животных.

«Почему-то я так и подумала», – вздохнула мысленно Снежана.

– Но сегодня я сделаю исключение – ради тебя, дорогая. Дима принесет нам бутылку дорогого сухого красного вина.

Официант, он же садовник, кивнул головой и куда-то направился, красиво и уверенно ступая.

Всеволод перехватил мимолетный взгляд Снежаны.

– Хорош, правда?

– Простите? – смутилась она.

– Да ладно извиняться! Дима прекрасен, как Аполлон, к тому же он обладает чертовским обаянием. Я редко беру в дом людей с улицы, но он сумел убедить меня, что он мне нужен. И вот он – в моем доме.

– Он садовник? – уточнила Снежана.

– Понимаю твою иронию... Этот парень больше похож на охранника или личного массажиста... но он действительно классный садовник. Я проверил его, он чист. А уж сколько он рассказал мне о растениях в этом зимнем саду! Я сразу ему поверил. У меня по всему дому цветы, бывшая жена развела. Выбросить жалко, а уход за ними нужен соответствующий, этим Дима и занимается. А теперь все же поговорим о вас...

* * *

Снежана и сама не помнила, как она выдержала этот обед. Дима ненавязчиво, бесшумно и легко обслуживал их, а она несла какую-то чушь. О том, что у нее жизнь не сложилась из-за ее глупой мечты о единственном принце, о непростом детстве и несбывшихся амбициях. Всеволод спокойно слушал ее, изредка вставляя нейтральные комментарии. Затем они заговорили о Злате, ее успехах и о том, что беспокоило Снежану, а именно – об изоляции девочки от других детей.

– Что случилось с ее матерью? – спросила она и испугалась, увидев как изменилось лицо Всеволода Владимировича.

– Эта тема в нашем доме закрыта. Я прощаю тебя только потому, что ты этого не знала, – резко ответил он.

– А может быть, наоборот... Поговорим об этом, и вы не будете так резко реагировать на вопросы о ней? – предположила она. – У меня ведь не праздный интерес. Я учитель и, надеюсь, друг вашей дочери, и мне эта информация необходима, чтобы лучше понять ее, – она словно оправдывалась, скребя вилкой по тарелке.

Еда была ни сладкой, ни соленой – никакой, но ради соблюдения приличий Снежана всё же ела, Всеволод поглощал свои фальшивые котлеты с большим удовольствием. А вино оказалось очень хорошим.

– От Златы вы всё равно ничего не узнаете. Она была слишком маленькой, чтобы что-то помнить по-настоящему, – вытер губы салфеткой Всеволод Владимирович.

– Я бы у ребенка и не стала спрашивать об этом. Хотя она мне сама говорила, что помнит маму. Мама была очень красивая и добрая, и Злата ждет ее до сих пор... Не проще ли сказать ей, что мама на небе и всегда с ней, чтобы ребенок не ждал и не мучился?

– А вы хваткая особа! Из тех, кому палец дай, так они всю руку откусят. Я не сержусь на вас только из-за того, что хочу понять: что такое в вас нашла моя дочь и почему я сам пригласил вас на обед?

– Всё верно, я не напрашивалась, – смело посмотрела ему в глаза Снежана, стараясь не замечать боковым зрением Дмитрия. Стоило только посмотреть на него, и оторвать взгляд не представлялось уже никакой возможности.

– Я расскажу... – Всеволод задумался.

Он взглянул на Снежану так, словно пытался поднять из подсознания нечто, что давно быльем поросло.

– Мы прекрасно жили с Марикой... да, брак наш длился два года, потом родилась Злата. А когда нашей дочурке исполнилось четыре годика, мама наша исчезла.

– Что значит – исчезла? – не удержалась от вопроса Снежана.

– Очень просто. Исчезла, и все... До этого у нас были трения, взаимные упреки. Она говорила, что меня вечно не бывает дома, что ей скучно... а потом произошла неприятная история. Я узнал, что моя жена завела любовника – молоденького мальчишку лет двадцати, работавшего у нее стилистом. Я, конечно, понимал, что в случившемся есть часть и моей вины. Но смириться с тем, что я вынужден делить любимую женщину с каким-то желторотым юнцом, я тоже не мог. Я попросил ее порвать с ним. Какую истерику закатила мне Марика! Я же еще и оказался виноватым во всех смертных грехах. Одно было хорошо: разборки проходили в отсутствие Златы, поэтому ребенок и помнит о матери только хорошее, мы берегли ее. В общем, Марика сделала свой выбор. Она ушла от меня – сбежала вместе со своим альфонсом, забрав свои вещи и драгоценности – несколько килограммов, что я ей дарил, – и обчистив мой сейф, видимо, на первое время.

Лицо Всеволода исказилось как от боли.

– Извините... я не знала... я не думала. – Снежана почувствовала себя неловко.

– Конечно, не думала.

– И с тех пор?..

– Ни ответа, ни привета, совершенно верно.

– Вы ее искали?

– Я не знал, что делать... Конечно, по горячим следам их искали, только не я, а полиция.

О пропаже жены и драгоценностей я должен был заявить. Что я и сделал. Начали копаться в нашем грязном белье. Как выяснилось, масса людей знали, что жена изменяет мне. При этом все честно смотрели мне в глаза и жали руку при встрече. Я тогда пережил сильный шок, пересмотрел всю свою жизнь. Я порвал отношения со многими людьми, считавшимися моими друзьями, ушел в бизнес. Я не хочу, чтобы кто-то причинил боль моей дочери, я слежу за этим. Поэтому я не люблю вспоминать тот период своей жизни, хотя, если честно, боли уже никакой не испытываю. Жену мою искали весьма усердно. Единственное, что удалось узнать, – что людей с похожими приметам видели в аэропорту на второй день после ее исчезновения. Но по их паспортам никто не проходил.

– Документы были фальшивые? – предположила Снежана.

– Вполне возможно. Роман их длился примерно год, сбежали они где-то через месяц после того, как я ее предупредил. Они могли подготовиться к побегу, сделать новые документы и исчезнуть бесследно...

Всеволод прервался, отпил вино.

– Довольна?

– Вполне.

– Что, не ожидала, что мать Златы могла просто-напросто сбежать? – прищурил он свои колючие глаза.

– Не думала, что всё так было, – согласилась Снежана. – Считала, что с ней произошел несчастный случай.

За ее спиной что-то звякнуло – это нож выпал из руки Дмитрия.

– Извините. – Он поднял нож и унес поднос.

Снежана не сдержалась и посмотрела ему вслед.

– Не профессионал, я имею в виду, как официант, – пояснил Всеволод, перехватывая ее взгляд. – Да, он – красавчик... Уже все мои сотрудницы, от уборщицы до секретаря-референта, спросили – кто он? Есть ли у него женщина? Вам это неинтересно?

– Что именно? – снова покраснела Снежана.

– Хотите узнать что-нибудь об этом мальчике? Вы – дама одинокая и тоже работаете у меня.

– Мне это неинтересно. Я не флиртую на работе, и меня не привлекают люди, не имеющие высшего образования, – телохранители, шоферы, инструктора, официанты... и садовники, – ответила она.

– То есть обслуживающий персонал вам безразличен? – уточнил Всеволод.

– Да, – кривя душой, твердо сказала она.

– Но вы сами служите. У меня.

– Я вам ничего не должна. Я даю знания вашей дочери, а вы мне за это платите. В любой момент контракт может быть расторгнут.

– Это ты так думаешь... молодая еще! Все в этом мире от кого-то зависят. Все, девочка моя, поверь. А насчет Марики... чтобы закрыть этот вопрос... я ее больше не искал. Зачем искать, если нет любви? Она сделала свой выбор. Даже если этот альфонс бросил ее, она не пыталась вернуться сюда.

– А увидеться с дочерью она тоже не хотела? – Снежана почему-то насторожилась.

– Нет. Я и сам удивлялся. Бросила ее совсем маленькой девочкой и даже не соизволила взглянуть, как она растет. Иногда мне думается, что, возможно, Марики давно и в живых-то нет... Этот жиголо мог ее убить. Отобрал деньги, драгоценности... я ведь даже не знаю, куда они улетели! В российских скупках ее побрякушки не всплывали. Сказать Злате, что ее мать мертва, я тоже не могу, потому что это неправда... Я просто не знаю, жива она или мертва! И не хочу опять делать дочери больно! Скажу, что ее мать умерла, а Марика вдруг заявится!

– Я понимаю...

– Я не имею права ее обманывать. Один раз это уже произошло...

– Уход жены вас здорово подкосил, вы получили психологическую травму. Вы ушли в себя и закрылись от дочери. Злате не хватает тепла и любви. Я в детстве пережила смерть деда и представила ее как предательство с его стороны.

– В чем же состояло это предательство? – спросил Всеволод.

– Он бросил меня, посмел уйти... он не довез меня, Золушку, до дворца с принцем. Вез меня на санках холодной и снежной зимой... и умер. Внезапно. Почти перед самым Новым годом... Я так ждала праздника...

– Ты серьезно считаешь, что он виноват перед тобой?

– Так думала тогдашняя шестилетняя девочка, и я выросла с этим чувством. Но, как и все отрицательные эмоции, мое чувство обиды на деда едва не разрушило меня, мою личность. Только хорошие чувства подвигают людей на созидание.

– Я знаю, – откликнулся Всеволод, приступая к десерту. – Я не перестал злиться на мою бывшую жену... но – что толку? В любом случае, даже если она стала... Шемаханской царицей, она все равно осталась в проигрыше.

– Это точно, – согласилась Снежана.

Всеволод поискал глазами Дмитрия и подозвал его к себе.

– Хоть ты и садовник, но с ролью официанта справился отменно, держи чаевые, заработал, – он выложил на стол сто долларов.

– Благодарю, – кивнул Дмитрий.

– Окажи мне еще одну услугу, Дима. Включи музыку, что-нибудь медленное и романтическое, – велел хозяин дома.

«Эко его разобрало», – подумала Снежана.

– Приглашаю тебя на танец, а затем мне надо уехать по делам.

Заиграла одна из любимых Снежаной романтических баллад Криса де Бурга «The ledy in red». И хоть она была не в красном платье, но откликнулась на приглашение хозяина дома. Танец был странным, каким-то романтичным. Они тихо кружились среди сочных зеленых кустов и ярких цветов, а за окном мела метель. Тысячи снежинок стремительным вальсом уносились куда-то холодным ветром. Голые ветки деревьев барабанили по стеклу, нарушая ритм музыки.

– Надо сказать Дмитрию, чтобы он подрезал ветки, – сказал Всеволод на ухо Снежане.

Снежана обрадовалась, что хозяин заговорил о Дмитрии: у нее появилась возможность спросить о садовнике, не вызывая излишних подозрений.

– А Дмитрий давно у вас? Я не видела его раньше...

– Еще бы! Такого парня вы, бабы, извините, оговорился, женщины сразу бы заприметили. Нет, он работает вторую неделю. Речь сейчас не о нем... Я давно наблюдаю за тобой, да-да... одинокая учительница, с хорошим образованием и прекрасными рекомендациями... После ухода жены я не обременял себя серьезными отношениями. Не из-за недоверия ко всем женщинам вообще, просто таково было мое желание.

«Да уж, ярких девиц я у него в гостях видела предостаточно! Одна даже прогуливалась неглиже по дому, когда он уезжал на работу. Мне пришлось сделать ей замечание, ведь в доме ребенок», – вспомнила Снежана.

– А вот ты вполне устроила бы меня в качестве подруги, – продолжил Всеволод и для пущей убедительности прижал ее к себе крепче, чем того требовал медленный танец. – Давай встретим Новый год вдвоем!

– Я думаю, это не очень удачная мысль, – ответила Снежана и попыталась отодвинуться, но объятия Всеволода Владимировича оказались просто стальными.

– Отчего же?

– Лучше оставить все как есть, – ответила она.

– Как бы ты не пожалела! Я не каждый день делаю такие предложения. Я богат... и могу быть верным. Ну?

«А еще ты – пресен, деспотичен и скучен», – закончила его мысль Снежана.

– Я не пожалею, – резко сказала она.

– Ты хочешь позлить меня или просто поиграть? Как эта роль называется? Недоступная кошечка? Скажи сразу, сколько ты хочешь, на этом и закончим.

– А вы хам! Неприлично так себя вести!

– Я могу себе это позволить, – нахально улыбнулся ей в ответ хозяин дома.

– Никто не имеет права позволять себе лишнее. – Снежана поджала губы и упёрлась в его грудь кулачками. – Пустите!

– Ты отстала от мира, учительница!

– А вы, Всеволод Владимирович, потеряли совесть! Немедленно отпустите меня!

– Я не позволю тебе так разговаривать со мной!

– Вы сами напросились. А ну, убрал руки! – воскликнула Снежана, которой опостылела эта игра в кошки-мышки.

– Я еще не закончил! – огрызнулся он, запуская руку в ее вьющиеся волосы и грубо притягивая ее голову к себе.

Никогда еще Снежана не испытывала ничего более омерзительного, чем этот жалкий, вынужденный и такой злой поцелуй. Пощечина – и то было бы легче!

Она бешено сопротивлялась, но силы их были неравны. На помощь к Снежане никто не спешил. Она уже теряла силы, когда раздался спасительный голос:

– Шеф, вам звонят по очень важному делу. Трубка в вашем кабинете... Извините, что помешал.

– Да уж! – Всеволод оттолкнул от себя Снежану и прошел мимо Дмитрия.

Снежана почувствовала себя оплеванной. Она отвернулась и начала приводить в порядок одежду, пытаясь стереть с лица косметику, которую хозяин дома бесцеремонно размазал по ее щекам.

– Я могу быть вам чем-нибудь полезен? – спросил Дима.

– Что вы! Вы так хорошо прислуживаете своему хозяину! Мне бы сейчас рябчиков в ананасах! – зло ответила Снежана, не поворачивая головы.

Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла, что он совершенно бесшумно приблизился к ней и деликатно дотронулся до ее шеи. Она вздрогнула и почувствовала, как заколотилось сердце.

– Снежана, повернись и посмотри мне в глаза, – тихо произнес Дмитрий.

– Зачем? – обернулась она, не понимая, почему прикосновения Всеволода буквально выворачивали ее наизнанку, а Димины руки вызвали ощущение тепла.

– У нас очень мало времени, Всеволод сейчас вернется.

– У нас? – натужно удивилась она. – Я не так использовала столовые приборы?

– Послушай, Снежана! Ты должна мне помочь! – сказал он очень серьезно.

– Помочь? Тебе?

– Я тебя очень прошу.

– Как? – спросила она, словно загипнотизированная.

– Он вернется. Извинится за свое скотское отношение. Прости его и согласишься на свидание.

– Что?!

– Именно на свидание. Только очень прошу: настаивай, чтобы оно прошло в этом доме.

– Да вы с ума сошли?! Он меня чуть не изнасиловал, он мне омерзителен, а вы... толкаете меня в его постель! – воскликнула она, не веря своим ушам.

– Тише! Поверь мне, тебе не придется делать ничего такого, о чем ты потом пожалеешь! Мне некогда сейчас все объяснять, просто поверь... Сделай все, о чем я попросил, клянусь, что ни один волос на твоей красивой головке не пострадает.

– Но...

– Я дам дальнейшие инструкции, когда ты назначишь ему свидание.

Снежана посмотрела в его темные завораживающие глаза, открыла было рот – отказаться, – просьба Дмитрия была просто бредовой. Но слова почему-то застряли в горле.

* * *

– Идиот! – ворвался в зимний сад Всеволод. – Дима, какой же ты debil, что отвлек меня в такой момент! Связи не было, в трубке – сплошные гудки!

– Может, просто не дождался ответа? – спокойно ответил Дмитрий, отодвинувшийся от Снежаны на безопасное расстояние.

– Болван, пошел вон! – рявкнул хозяин. – Мне это очень не понравилось, Дима!

Снежана стояла между ними и думала: если бы Дмитрий захотел – а он явно хотел, – он размазал бы этого Всеволода по стенке. Еще она поняла, что Дима специально отвлек Всеволода, чтобы поговорить с ней, возможно, спасти ее – таким образом. Дима обернулся в дверях и коротко глянул на Снежану. От его взгляда у нее мороз пошел по коже. Она угадала, что он имеет в виду.

Всеволод подошел к столу, открыл вино и плеснул себе полбокала. Нервно выпил, обернулся к Снежане. Ее снова забила нервная дрожь. Она не понимала, что происходит. Словно стала заложницей некоего страшного действия, актрисой театра абсурда.

– Извини, Снежана, кажется, я перегнул палку.

«Мерзавец!» – пронеслось у нее в голове.

– Наверное, сейчас ты скажешь, что больше не станешь работать у меня? – предположил Всеволод Владимирович.

«Именно так я бы и сказала, психолог хренов», – подумала она, но вслух выдавила:

– Я продолжу обучение вашей дочери, но наши личные встречи хотелось бы ограничить, – она повела себя верно, приняв вид оскорбленной в лучших своих чувствах дамы.

– Ну же, Снежана, давай забудем об этом неприятном инциденте... выпей, я глубоко раскаиваюсь, – в свою очередь примерил образ обольстительного раскаивающегося подонка Всеволод.

Он небрежно приблизился к Снежане и протянул ей бокал с вином.

– Вот... за наше примирение. Не дуйся, детка!

Снежана охотно выплеснула бы вино ему в лицо. Он вел себя, как в дешевых голливудских фильмах. Но темные Димины глаза смотрели ей прямо в душу. Почему-то она верила: то, о чем он ее попросил, действительно очень важно. При этом она также отдавала себе отчет, что просто могла попасть под его чертово обаяние. Но ей почему-то было все равно.

«Если я сдамся так быстро, то это будет выглядеть подозрительно», – и Снежана решила немного поломаться – для убедительности.

– Я даже не знаю...

– Пойми: я не сдержался, потому что ты – очень красивая девушка, я просто потерял контроль над собой, – кокетливо произнес Всеволод. – Ну как... мир?

– Я не знаю... – надулась Светлана.

– Дай мне шанс загладить свою вину, – умоляюще посмотрел на нее Всеволод.

– Это как? – Снежана прикинулась дурочкой.

– Приглашаю тебя на свидание, тогда у меня будет шанс реабилитироваться! Выбирай. Мы можем полететь в Париж, Ниццу, Нью-Йорк. Куда скажешь! Не любишь путешествий – выбери любой ресторан в Москве. Ведь скоро Новый год, праздник!

Снежана до сих пор ощущала мерзкий вкус его поцелуя, ее тошнило. Но она помнила и взгляд Дмитрия, полный надежды.

– Нет, так далеко я с вами не полечу... я вам теперь не доверяю.

– Тогда в ресторан? – Губы Всеволода тронула самодовольная улыбка.

– Я не видела более красивого ресторана. Если уж вы так настаиваете, то я бы дала вам шанс... именно здесь. – Снежана выдавила улыбку, читая на этом наглом холодном лице всю гамму обуревавших его чувств, словно в открытой книге: «Ну, что, дурочка, кончила ломать комедию? И правильно! Я так и знал, что ты не убежишь отсюда вся в слезах – куда ты денешься? Ты уже прикормленная с моей руки: я плачу за уроки большие деньги. А уж теперь, когда появилась возможность заполучить в мужья такого богатого, красивого и свободного мужчину, как я... Все вы одинаковы – и училки, и проститутки...»

– Ты хотела бы посидеть здесь? – засмеялся Всеволод. – Бедная рыбка, не видела ничего красивее? Ну, хорошо, я провинился перед тобой, и желание дамы станет для меня законом, так и быть... Сегодня у меня дела, а завтра я надеюсь помириться... с одной очаровательной блондиночкой! – Всеволод взял ее руку и поцеловал. – До завтра?

– Да, – кивнула она.

– Прощён?

– Почти, – уклончиво ответила она.

– Тогда иди к Злате, а завтра – в восемь часов здесь.

«Поздно назначает, думает, что ночевать домой я не уеду, останусь у него, – мелькнула шальная мысль. – Что же я делаю? Почему послушалась какого-то смазливового парня, которого я и знать не знаю? Откуда во мне это легкомыслие? Сама себе удивляюсь...»

Всеволод удалился. Снежана почувствовала острую необходимость принять душ, но ее уже ждала Злата.

«Надеюсь, этот тип, Дима, объяснит, ради чего я согласилась на эту пытку», – устало подумала Снежана.

* * *

Снежана обнаружила Злату в ее комнате. Она сидела на кровати, поджав ноги, и тупо смотрела прямо перед собой. Снежана постучала себя по уху, показывая – вынь наушники от плеера.

– Здравствуй, Злата! Почему ты не бежишь со всех ног ко мне и не кричишь, как всегда: «Здравствуйте, тётя Снежана! Как я рада вас видеть»?

– Здравствуйте, – прошептала девочка.

– Как наши успехи?

– Хорошо, – вяло ответила Злата.

– У тебя нет настроения общаться? Хорошо, тогда займемся делом, – сказала Снежана.

– Вы обедали с отцом? – спросила девочка.

– Откуда ты знаешь? – испуганно спросила Снежана. Не дай бог, если она видела эту мерзкую сцену!

– Знаю.... Мне отец сказал, что он приглашает вас на обед или, может быть, на ужин. Я видела, кого-то обслуживали в зимнем саду. Это были вы... с отцом?

– Да, – Снежана кивнула.

Девочка надулась и отвернулась от нее.

– Злата, что с тобой? Я понимаю, ты ревнуешь отца ко мне... Не переживай. Я доверю тебе один секрет. Это был всего лишь обед, и больше ничего. Клянусь тебе самой страшной клятвой: никогда не займу место твоей мамы. Просто твой отец – мужчина, он уже давно одинок, ты должна это понимать и не быть такой эгоисткой. Ведь другие женщины тоже посещали ваш дом, но ты так не реагировала... Я не нравлюсь тебе?

Злата повернула к ней заплаканное личико:

– Вы не понимаете! Эти женщины – они просто... как же вам объяснить? Просто! Ну, так... А вы – совсем другая!

– Я не собираюсь жить с твоим отцом, я же пообещала, ты знаешь, что я не обману тебя, – Снежана попыталась успокоить девочку.

– Вы не понимаете! – истерично воскликнула Злата. – Я не об отце беспокоюсь, а о вас! Вы мне нравитесь! Вы не должны быть с ним!

– Злата! Ты же говоришь о своем отце, – упрекнула ее Снежана.

– Ну и что? Я не люблю его!

– Прекрати!

– Я не люблю его, и он тоже не любит меня! – выкрикнула девочка.

– Всеволод Владимирович заботится о тебе...

– Он закрыл меня в этом доме, как в клетке! Я не могу даже пригласить к себе подружек. Все девчонки всегда вместе, а я, как изгой, под вечным контролем! – Симпатичное лицо Златы исказила гримаса ненависти.

– Злата, успокойся!

– А Коля! А Коля? – Девочка заплакала.

– Какой Коля? – растерялась Снежана, присаживаясь рядом со Златой и прижимая ее к себе.

– Мальчик! Я в кои-то веки понравилась кому-то! Ведь я уродина!

– Злата! Господи! Кто тебе сказал, что ты уродина?! – Снежана растерялась окончательно.

– Отец! Он всегда мне говорил, что я – уродина, что я похожа на маму и чтобы я не мнила себя красавицей и не думала, что понравлюсь парням! А Коля – это мальчик из нашего класса, он сказал, что я симпатичная, и предложил дружить! А отец... отец... он что-то такое сделал с Колей, напугал его... или его семью, и он... и Коля исчез! То есть он вынужден был уйти из нашей школы. Он же возненавидел меня! А другие ребята боятся даже смотреть в мою сторону. – Девочка горько зарыдала.

У Снежаны перехватило дыхание. Ее сердце сжалось от гнева и жалости.

«Бедная девочка! Что же он с ней сделал? Какая сильная ненависть заставила его сказать такое своей маленькой дочери! Он вымещает на ней свою злобу и ревность за сбежавшую жену. Вот скотина... При чем же тут Злата? Она, наверное, копия своей матери, не повезло ей. Он – домашний тиран, жалко, что за подобное отношение к ребенку не лишают родительских прав. Такое не докажешь, да и кто захочет связываться в открытую, в суде, с этим холодным деспотом? Его гориллы нагонят страха на кого угодно, и придется смельчаку улепётывать из страны, не просто – из Москвы. Сволочь!»

– Успокойся, Злата, все будет хорошо. Всеволод Владимирович сказал это, не подумав. Он просто боится потерять тебя, как твою маму. Он пережил психологическую травму, прости его... он не хочет потерять и тебя.

– Мне плохо, мне так не хватает мамы! – плакала девочка.

«Бедная, ей не хватает не только мамы, но и друзей, да и отца нормального – тоже», – Снежана погладила ее по голове.

– Успокойся, а то я теряюсь, у меня же нет детей, чтобы я их так хорошо знала и могла успокаивать.

– Вы же педагог! – сквозь слезы проговорила Злата.

– Вот именно! Я – не чья-то мама, и мои ученики не рыдали на моем плече. Я вот что скажу, Злата... Если ты хочешь чем-то поделиться, можешь сказать мне.

– Вы же всего лишь педагог! – заупрямилась девочка, но слезы уже высохли на ее щеках.

– Я могу быть твоим другом, – предложила искренне Снежана.

– А если отец прекратит платить вам деньги, вы останетесь моим другом? – наивно спросила девочка.

– Так вот что тебя беспокоило, когда ты говорила, что твой отец платит мне деньги? Ты думаешь – чтобы с тобой общались, нужно кому-то заплатить? Дурочка! Ты очень умная, интересная девочка, и я бы с удовольствием продолжила с тобой общение и после того, как закончатся наши уроки.

– Честно?

– Хоть на детекторе лжи проверяй! Зуб даю! – кивнула Снежана.

Девочка улыбнулась, но улыбка слетела с ее лица, словно ее сдули легким ветерком.

– Отец не позволит мне с вами общаться, ни за что... Он не разрешает мне ни с кем дружить, – снова завелась девочка.

– Хватит об этом! – прервала ее Снежана, жалея ее и понимая, что ничем она помочь Злате не сможет.

«А я ведь тоже собираюсь совершить подлость, – подумала она. – Внушаю девочке, что ее отец – молодец, а сама уже пустилась в какую-то авантюру, направленную против Всеволода Владимировича».

– Отец хочет отправить меня за границу, вы знаете? – спросила Злата.

– Он сказал мне.

– Он просто хочет избавиться от меня! – вновь заплакала девочка. – Я ему не нужна.
– А если посмотреть на твой отъезд с другой точки зрения? Нельзя быть такой пессимисткой!

– Это с какой такой точки зрения? – Девочка исподлобья посмотрела на учительницу.

– Ты получишь прекрасное образование, вырастешь, станешь самостоятельной, будешь хорошо зарабатывать. Ты еще не очень взрослая, но, поверь, ты же уедешь из его дома, вырвешься из-под опеки отца и сможешь завести друзей.

Девочка покачала головой и вдруг выпалила:

– Папа убил маму.

– Что ты говоришь?!

– Мама ушла, потому что не смогла с ним жить. Он ее убил!

– Злата, нельзя кидаться такими словами. Ты не знаешь, что произошло между твоими родителями. Это их личное дело.

– Если бы я была большая, я бы обязательно ушла отсюда! Мама так и сделала. Я только не понимаю, почему она не взяла меня с собой? Она же знала, что мне без нее будет плохо!

Снежана не представляла, что ей ответить, но она постаралась успокоить Злату.

– Даже если и так, твоя мама ушла в неизвестность... как взрослая женщина, говорю тебе: это нереально – забирать с собой ребенка из обеспеченного дома, сама не зная куда.

– А почему, уже устроившись на новом месте, мама не вернулась за мной?

– Я не знаю. – Снежана встала, подошла к окну и взглянула вниз.

Большой двор был завален снегом. Сугробы были такие белые, словно из сказки... Мужчина в джинсах и куртке-аляске темно-оливкового цвета расчищал дорожки большой лопатой. Снежана поняла, что перед ней Дмитрий, или Дункан.

– Садовник, он же дворник, работает у вас две недели? – перевела она разговор в другое русло.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Злата.

– Почему ты хихикаешь? – покраснела Снежана.

– Вы уже пятая женщина, включая моих репетиторов и домработницу, кто интересуется им. Правда, он очень красивый?

– Ну...

– Он похож на принца? Вы обещали говорить мне правду! Мы же друзья, – напомнила девочка.

– Похож, – согласилась Снежана. – Но надо не только восхищаться чьей-то внешностью, но и знать, каков человек внутри, в душе. Тогда и станет ясно, принц ли он.

– Я знаю, что он – хороший. У Димы добрые глаза, он единственный, кто ко мне хорошо относится.

– Ты общаешься с ним? – удивилась Снежана.

– Ничего плохого я не делаю. Я иногда разговариваю с ним, когда нас никто не видит.

– Но это же неприлично, разве тебе не ясно? Молоденькая девочка и взрослый мужчина общаются тайком, – возмутилась Снежана.

– Я не маленькая, и я понимаю, что вы имеете в виду. Дима никогда не приставал ко мне.

– Ну, хорошо, Злата, успокойся. Я могу доверить тебе один секрет?

– Конечно, мы же друзья! – Девочка оживилась.

– Ты сможешь тайно передать Дмитрию записку от меня?

– Вы назначаете ему свидание?!

– Почти, – уклончиво ответила Снежана, осознавая, что девочка в лепёшку расшибётся, но выполнит ее просьбу.

Снежана села за письменный стол Златы, взяла ручку, бумагу и широким размашистым почерком вывела на белом листе:

«Уважаемый Дмитрий! Ваше обаяние безгранично, и все же я требую объяснений. Если сегодня в восемь вы не будете в кафе „Минутка“ и я не узнаю, в чем должна состоять наша совместная „миссия“, – завтра я не приду в сад. Как вы все устроите, мне безразлично. Жду вас ровно в восемь. Нам надо поговорить.

Снежана».

– Вот, – Снежана сложила бумагу и вручила ее Злате. – Надеюсь на тебя.

– Я передам, – кивнула девочка, лукаво глядя на Снежану. – А он работает здесь вовсе не две недели.

– Как это? – не поняла Снежана.

– Он работал уже месяца два в доме напротив, я видела его там. Потом супружеская пара, жившая там, уехала на полгода в Австрию, а Дима устроился к нам. Он не сказал отцу, что служил по соседству, а я тоже не выдала его. – Девочка прямо светилась от важности.

Снежана не знала, что ей может дать эта информация. Но стало ясно: что-то здесь кроется...

* * *

Стрелка часов неумолимо приближалась к восьми, Снежана нервничала всё сильнее. Она сидела в кафе «Минутка» и ждала этого странного свидания, которое должно было прояснить возникшие у нее вопросы. Кафе располагалось поблизости от ее дома, поэтому она и назначила встречу именно там.

Обстановка в «Минутке» была домашней, уютной, и Снежана иногда забегала туда – просто так, перекусить, когда ей не хотелось готовить дома. Ее знали в этом кафе и принимали как постоянную посетительницу – очень радушно. Она не стала раздеваться. На ней были полушерстяные брюки радостного оранжевого цвета, короткий полушубок из рыжей лисы, а на голове оранжевая вязаная шапочка. Под полушубок Снежана надела светло-кремовый джемпер с золотым рисунком. Уютно потрескивали дрова в настоящем камине. Столики стояли в обособленных нишах, и возникала иллюзия уединенной обособленности.

Дмитрий вошел в зал ровно в восемь часов. Он поздоровался со Снежаной, снял куртку, на нем была черная водолазка и джинсы. На ногах – дорогие черные ботинки. Снежана отметила, что черный цвет чертовски ему идет. На волнистых черных волосах поблескивали белые снежинки.

«Принц... Он действительно похож на принца...» – она вспомнила слова Златы и мысленно с ними согласилась.

– Я получил ваше секретное послание и понял, что не могу не прийти. Вы умеете вести дела! Выбора вы мне просто не оставили.

– Да, на свидание со мной можно приходиться только под дулом пистолета, – усмехнулась Снежана.

– Я не это имел в виду, – смутился Дмитрий.

– Что будем заказывать? – подошла официантка и во все глаза уставилась на Дмитрия.

– Мне картофель фри с киевской котлетой, греческий салат и ноль пять вашего пива, – Снежана разошлась, не узнавая саму себя.

– Ого! – Дмитрий поднял брови. – Я-то думал, леди Пинкертон закажет кофе.

– Я есть хочу, да и разговор нам предстоит долгий. – Она встала и скинула полушубок и шапочку на соседний свободный стул.

– Тогда доверюсь вашему выбору. Мне то же самое. – Дмитрий ослепительно улыбнулся официантке.

Девушка удалилась.

– Люблю женщин, не заботящихся о своей талии. – Он перевел взгляд на Снежану.

– А я люблю ясность в отношениях. Кто вы, мистер Икс?

– Дмитрий, садовник, – улынулся он.

– А я вот этим пальчиком возьму и наберу «ноль-два» и сообщу органам, что некий мужчина два месяца подряд наблюдал за одной маленькой девочкой, а затем обманом устроился в дом ее отца и начал тайно встречаться с его дочерью! Вы решили, кажется, что запертую в четырех стенах девочку можно так легко обвести вокруг пальца? И у нее появится взрослый обаятельный друг, похожий на принца? – в лоб спросила она.

Дима рассмеялся:

– Так вы подозреваете меня в педофилии? Объясните, на чем основан ход ваших мыслей?

– Вы такой же садовник, как я – киллер! Вы жили в доме напротив целых два месяца, так мне сказала Злата.

– Два с половиной, – поправил ее Дима. – Моя беда – запоминающаяся внешность.

– Вот именно. Мужчина с такой внешностью может прекрасно пристроиться в качестве жиголо, но не возьмется за лопату или секатор.

– Может, у меня высокие моральные принципы?

– Бросьте! А как вы сервировали стол? Вряд ли тонкости раскладки столовых приборов известны обычному садовнику.

– Вас не проведешь... вы – чертовски умная и внимательная женщина... с таким холодным снежным именем, – ответил Дима, и его лицо стало серьезным. – Хотите знать правду? Я скажу вам все. Я опасаясь Всеволода Владимировича. Я видел ваше лицо, когда вы на него смотрели. Вам он неприятен.

– Омерзителен!

– И все же мне вы тоже не доверяете?

– Нисколько, – согласилась Снежана.

– Почему же тогда вы... Когда я попросил вас увидеться с Всеволодом...

– Слишком убедительной была ваша просьба, плюс – ваше чертовское обаяние, – ответила она. – Учтите: я на стороне Златы. В любом случае, при любом раскладе!

– Я тоже. Не бойтесь: я не собираюсь ее совращать. Она моя единственная родственница. Ее мать, Марика, была моей родной сестрой. Я дядя Златы. Вот так.

Снежана уставилась на него. Пауза тянулась, пока не принесли греческий салат и две кружки пива темно-янтарного цвета.

– Так вы следили за ним?

– Да, и скажу больше – я уверен, что он убил мою сестру и ее любовника, – мрачно сказал Дмитрий.

Снежана глотнула пива, и стены кафе словно поплыли перед глазами. Она вспомнила вопрос девочки – почему же мама не вернулась за ней, когда устроилась на новом месте? Если Дима прав, это все объясняет...

– Знаете... – прошептала она вмиг осипшим голосом, – я учительница, но психологию нам тоже преподавали. И мне с трудом верится, что Всеволод преспокойно отпустил жену с любовником, смирился с ее изменой и – с его слов – даже не искал ее...

– Я тоже изучил этого хмыря... На него взглянуть косо нельзя – его головорезы сразу зубы выбьют, а уж за измену...

– Так ты все же не садовник, – Снежана взяла вилку.

– Нет.

– А кто же ты? Почему ты объявился только сейчас? Твоя сестра пропала восемь лет тому назад!

– Я археолог, путешественник, последние десять лет жил за границей. О том, что Марика пропала, я узнал три года назад. Я не думал, что произошло... нечто криминальное. А потом возникли кое-какие сомнения. Я вернулся, навел справки, сначала официально. Понял, что дело глухое, и решил действовать самостоятельно.

Официантка принесла им киевские котлеты с картошкой фри и кетчуп.

– Девушки за соседним столиком интересуются: у вас все серьезно или с вами можно познакомиться? – игриво обратилась она к Диме.

– Совсем обнаглели! – воскликнула Снежана, чуть не уронив нож.

– У нас всё очень серьезно, мы празднуем помолвку, – ответил Дима и послал девушкам воздушный поцелуй.

– Жаль. – И официантка неохотно удалилась.

– В России по-прежнему нехватка мужчин? – спросил Дима.

– Есть такое дело.

– А ты? Ты свободна? – допытывался он.

– А при чем здесь я? – Снежана удивилась.

– Я редко встречал девушку, в которой в равной мере сочетались бы ум и красота.

– Да, я такая, – Снежана зарделась, удивляясь собственной наглости.

– Так вот, Снежана, когда все это закончится... я не намерен упустить такую женщину, как ты.

– Ты меня предупреждаешь?

– Именно.

– И что ты собираешься делать? – спросила она, подавляя растерянность.

– Ухаживать за тобой со страшной силой, – ответил он, взял ее ладонь и поцеловал.

– Подожди... что закончится-то? – спросила она и вдруг ахнула: – Уж не потому ли ты устроился садовником, что думаешь – Всеволод зарыл тела на своем участке?

– Я же говорил, что ты – умная! Да, я уже кое-где осмотрел землю. Якобы исследовал грунт.

– И что?

– Пока ничего. Всеволод не беспокоился. Он же может приказать убить меня, если я что-то узнаю. Видела бы ты, как по его приказу избили семью мальчика, хотевшего дружить со Златой!

– Так ты об этом знаешь?!

– Я много чего знаю...

– А на участке трупов нет?

– Чем дальше ищу, тем сильнее убеждаюсь – вряд ли они там... Но рыло у Всеволода в пуху, я чувствую! Только одно место в доме остается абсолютно закрытым, недоступным для посторонних глаз. Это его кабинет. А в кабинете – сейф.

– И что?

– Ключи от кабинета и сейфа он носит на цепочке, на шее. Если и есть какая-то зацепка, то только там. В сейфе.

– Ты хочешь проникнуть в кабинет?

– Это последний шанс... или пан, или пропал. В его доме мы вряд ли останемся – после этого... Ты поможешь мне?

– Ради Златы – да! Иначе Всеволод просто загубит девчонку. Если ты окажешься прав и мы докажем, что он причастен к смерти твоей сестры и ее любовника, что будет с Златой?

– Она останется со мной, – невозмутимо ответил Дима.

– А у тебя есть семья? – осторожно поинтересовалась Снежана.

– Мне тридцать пять, я был женат. Жена не выдержала моего образа жизни с долгими отсутствиями, мы расстались. Она и мой сын, ему десять лет, живут в Германии. Я обязательно познакомлю Злату с ним.

– Она его двоюродная сестра, – Снежана улыбнулась и вдруг нахмурилась. – Ты говоришь, что тебя долго не бывает дома... С кем же будет девочка? И где твой дом?

– Я не повторю прежних ошибок и не упущу свою вторую семью! Ради Златы я брошу экспедиции, займусь преподаванием в университете, меня давно приглашали. А живу я во Флориде. Кроме того, я надеюсь, что ты тоже будешь со мной и с моей племянницей.

– В качестве кого?! – не поверила своим ушам Снежана.

– В качестве моей жены, – серьезно ответил он, и почему-то она вновь ему поверила.

Но до обещанного рая было далеко: вначале требовалось войти в клетку к тигру. Снежана не думала – страшно ли ей. Она пошла бы с ним куда угодно! Этот мужчина внушал ей огромное, безмятежное чувство доверия. Он – стена, крепкое плечо, да что угодно – главное, как она думала, на него можно положиться.

* * *

В этот день Снежана постаралась выглядеть просто сногшибательно. Яркий макияж, красиво уложенные волосы... и жуткий холод, разливающийся по всему телу. Пришлось пожертвовать теплом ради красоты и ноток сексуальности в облике. Вместо теплых брюк – тонкие колготки, вместо зимних сапог на удобной платформе – демисезонные лаковые сапоги на каблучках. Короткая юбка, полушубок. Прическу нельзя было приминать шапкой. Как назло, ударил крепкий мороз. Ноги заледенели, казалось, тонкие подошвы сапог примерзнут к хрустящему снегу. Ветер поддувал под короткую юбку. Но Снежана старалась об этом не думать. На нервной почве ее и так колотило с самого утра. Так что в объятия Всеволода Владимировича она попала, застыв и от холода, и от нервного озноба.

Всеволод лоснился самодовольством, как сытый кот, и рассыпался в комплиментах. Зимний сад был украшен живыми цветами, играла музыка, стол ломился от яств.

«Подготовился», – мелькнула мысль.

– Нам никто не помешает, дорогая. Я решился на ответственный шаг: хочу связать свою жизнь с серьезной женщиной, хочу доказать тебе, что я достоин доверия.

– Музыка не помешает Злате?

– Ты все о Злате! Ничего с ней не будет! Я вывез ее из дома на этот вечер.

– Куда? – Снежана испугалась.

– В коттедж своего коммерческого директора, – ответил Всеволод, элегантный, «как роуль», в своем строгом костюме. – Не волнуйся, завтра я привезу ее обратно, а сегодня вечером мы останемся вдвоем. Я даже охрану отпустил.

Это были последние слова, отпечатавшиеся в памяти Снежаны. Она поверила, что Димин план удастся. После медленного танца ей удалось подбросить таблетки в бокал шампанского Всеволоду. Перед ее глазами все время стояло лицо Дмитрия. Звучали в ушах его слова – она должна ему доверять, он не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось. Всеволод заснул, уткнувшись лицом в накрахмаленную скатерть. Снежана выждала несколько минут и достала телефон.

– Иди... всё. Он готов.

Появившийся из ниоткуда Дима снял с Всеволода ключи, и они вместе пошли в кабинет хозяина дома.

– Мы не убили его? – спохватилась Снежана.

– Нет, это снотворное, дозу я рассчитал.

– Сколько у нас времени?

– Ты думаешь, я каждый день усыпляю людей? Я не знаю... часа два есть точно.

Они вошли в богато обставленный кабинет. Дмитрий открыл сейф и вытащил кипу документов. Уселся за стол и начал внимательно их просматривать.

– Что ты ищешь? – клацая зубами от страха, спросила Снежана.

– Сам не знаю... что-нибудь. Хоть какую-нибудь зацепку, – не поднимая головы, ответил он.

– Не факт, что он спрятал тела где-то поблизости. Их могли зарыть или утопить где угодно, – предположила она. – Что ты хочешь найти? Записку со словами – «Жену и ее любовника я зарыл под второй яблоней в левом ряду»? – Снежана, нервничая, расхаживала по кабинету.

– Насколько я изучил этого человека, он любит, чтобы у него все было под контролем. Интересно! Здесь собраны все характеристики на его работников, и везде подчеркнута: «Немногословен, сдержан, замкнут, неболтлив». Понятно? Только таких людей этот паук принимает на работу. Вот документы по строительству и ремонту. Смотри: ровно восемь лет тому назад на его участке построили новую баню, а старую, хотя ей было не так уж много лет, снесли. Не странно ли это?

Снежана не успела ему ответить. Грубый мужской голос рявкнул:

– Не странно! Шеф был прав: велел, чтобы я заглянул к нему и всё проверил. Не двигаться!

В кабинет вошел лысый мужчина. Снежана узнала его. Это был начальник охраны Всеволода Владимировича, которого все звали просто – дядя Павел. Он крепко сжимал пистолет. Из-за его спины выглядывали два молодца с безразличными пустыми рожами, готовые исполнить любое приказание шефа, как послушные собаки.

Снежана так испугалась, что просто окаменела. Дмитрий спокойно взглянул на охранников.

– Ты никогда не нравился шефу, смазливая морда! А вот насчет этой сучки он ошибался. Что вы там отрыли про баньку? Вынюхал, падла! Именно там, под фундаментом, мы с ребятами закопали его жену-потаскушку вместе с ее любовником. И никто ничего не заподозрил! Это было идеально. Прошло столько лет, и вот появились вы! Ну, ничего, мы от вас избавимся, никто и не пронюхает. Что ж, ребята, берите девку, я займусь этим красавчиком.

– Придется строить еще одну баньку! – рассмеялась одна из «горилл».

Снежана испытала какое-то двойственное чувство. С одной стороны, их догадка полностью подтвердилась, а с другой – она ждала, что эти типы скажут: мы просто пошутили.

– Дядя Павел, а что они сделали с шефом? – спросил один из ребят.

– Усыпили, – буркнул тот.

– Вызвать «скорую»?

– С ума сошли?! Нам не нужен лишний народ, – мрачно сказал дядя Павел. – Грузи их в машину. Вывезем в лес и зароем. Шеф, когда очухается, будет доволен.

Под дулом пистолета раздетых до белья Диму и Снежану впихнули в джип и повезли в лес. Руки связали только Дмитрию. Охранники были вооружены. Они несколько расслабились, что им не оказали сопротивления. Перед ними были только окаменевшая от ужаса слабая женщина и странно покорный, тихий Дима. Когда они отъехали от поселка на приличное расстояние и углубились в лес, дядя Павел сказал:

– Всё, дальше не поедем, завяжем к чертовой матери. Здесь их и кончим.

«Еще два труп... и опять никого не найдут», – подумала Снежана, словно вовсе не ее собирались убить.

В этот момент Дмитрий со всех сил двинул локтем в лицо одному из бандитов и вцепился ногтями в глаза водителю. Как он сумел разорвать скотч, стягивавший его руки, – загадка!

Машина резко завилыла, Дмитрий, проделав невероятный акробатический этюд, ухватил за шею водителя, ногами выбил дверь и вывалился в снег вместе с оглушенным охранником.

– Беги! – диким голосом закричал он Снежане. – Беги!

Трижды ему повторять не пришлось. Она пулей вылетела из джипа и понеслась в лес. Сколько она бежала, Снежана не помнила, этот рывок получился на надрыве всех ее чувств и сил. Она просто бежала – без верхней одежды, утопая по колено в снегу. Ее подгоняли страх и страстное желание выжить. Сквозь шум в ушах она услышала несколько выстрелов. Жуткая мысль, что с Димой покончено, охладила кровь в ее венах сильнее, чем мороз. Человек в состоянии аффекта может бежать долго, но затем силы покидают его. Снежана выдохлась как-то разом, обессиленная, она рухнула в сугроб. Она лежала, каменея от холода и ужаса, не чувствуя рук и ног, и смотрела в темное высокое небо. Казалось, жизнь покидает ее с каждым ударом загнанного этим бешеным бегом сердца.

«Диму убили, побежали за мной... Они найдут меня по следам... или наткнутся на мое тело, когда я уже замерзну. Почему-то мне все равно. Всеволод – монстр, жаль, что не удалось спасти девочку... Как холодно!»

Снежана закрыла глаза. Две крошечные слезинки замерзли на щеке. Она почти ничего не ощущала. Ей захотелось спать... Она вдруг увидела маленькую девочку на санках, а вокруг – никого, кто мог бы ей помочь. «Дежавю». Это опять возвращается. Она подчинилась воспоминанию, принимая эту муку как знак неумолимой судьбы...

* * *

– Снежана! Снежана! Очнись! Открой глаза! Очнись, дорогая! Ты молодец, ты – самая смелая девушка на свете! – Слова доносились издалека. Наконец они помогли ей вырваться из мрака. Снежана открыла глаза и увидела испуганное Димино лицо. Он был бледен, щека измазана кровью, в глазах стояли слезы.

– Держись, милая! Помощь уже идет! Я позвонил по мобильному... Держись, мы вместе! У нас всё получилось!

– Ты нашел меня, – еле слышно прошептала она и взглянула в небо. – Спасибо... Я все-таки приехала к своему принцу...

Она прижалась к его груди и заплакала. Сквозь тонкую ткань майки она чувствовала его спасительное тепло. Теперь Снежана точно знала, что они выживут. И будут вместе!

– Знаешь что... – Снежана вытерла ладонью лицо. – Я хочу встретиться с вами Новый год. С тобой и Златой!

– Конечно. – Он крепко обнял ее, и обоим стало теплее...

В зимнем небе, бесконечно высоком и холодном, казалось, ничего не изменилось, только звезды засияли ярче.

Убийства в шоколаде

Глава первая

Иногда с нами случается вот что: мы пересекаемся с другими людьми в определенный момент в одной точке. Некоторым событиям суждено произойти именно в это время, именно в этом месте, будто выстраивается парад планет. И вся предыдущая жизнь оказывается лишь репетицией. Так и вышло с тремя совершенно незнакомыми, никаким образом между собой не связанными гражданами. Они встретились и решили заняться одним делом. Словно раньше у них была одна жизнь, а теперь началась уже совместная и абсолютно другая.

Тридцатилетняя Варвара Олеговна Абрикосова, ведущая солистка коммерческого балета, одна из талантливейших прим своего времени, блистала раньше на многих сценах мира и, конечно, Москвы. Она освоила почти все существующие партии! Обладательница уникальной растяжки, Варвара, как говорится, умела закинуть левую ногу за правое ухо, отличалась легким прыжком и изящными движениями, у нее, несомненно, был дар от бога. В танце она была великолепна, ее даже прозвали Богиней сцены. Толпы поклонников посвящали ей стихи, засыпали цветами, одаривали предложениями руки и сердца. Но это осталось в прошлом. Старые травмы давали о себе знать. Вывихи, межпозвоночная грыжа, обострившаяся после неудачного падения, и не одного, во время ужасных событий, произошедших недавно с балериной...

Характер у Варвары был очень сильный, она и дальше превозмогала бы боль, если бы ее партнера не отравили загадочным психотропным веществом. В один прекрасный день обезумевшему танцору померещилось, что в его руках не девушка, а злобная химера, и он швырнул бедняжку в оркестровую яму, изрыгая проклятия. Оптимизма это не прибавило. Вскоре парень сошел с ума окончательно и покончил с собой. Но это уже другая, совсем грустная история.

Злодеев быстро нашли, они ответили за то, что сотворили. Судьба Варвары сложилась не так драматично, но с балетом пришлось расстаться. Из-за жуткого падения она серьезно повредила позвоночник, вернее, добила его окончательно. Чудом смогла ходить, но о танцах речь уже не шла: какая бы у нее ни была выдержка, всему есть предел. Тогда красавица впервые растерялась: что дальше? Варя сошла с дистанции гораздо раньше, чем предполагала. Конечно, когда стукнуло тридцать, она задумалась, чем займется, закончив карьеру. Но идеи не приходили, и она отложила решение лет на восемь, если повезет. Увы, уже через два с половиной года вопрос встал ребром...

Габриэль Виленович Висконти, русский мужчина с итальянскими корнями, тоже считался неординарной личностью: взять хотя бы тот факт, что он никогда не был в Италии, как и его мать, Светлана Ивановна. Отец-итальянец жил с ними в Москве, пока не ушел к другой женщине, родившей ему сына Эмиля, и больше не общался с первой семьей, слишком нехорошо и больно они расстались. Светлану Ивановну радовал только сын.

Габриэль вырос отличным, честным человеком, много лет отдал службе в милиции, тогда еще не называвшейся полицией. Дослужился до подполковника, несколько раз был ранен. Из-за контузий он терпел страшные головные боли, а из-за ранений не прошел переаттестацию, и его не приняли в ряды полицейских.

Но Габриэль знал настоящую причину своего увольнения из органов. Много лет он совмещал службу в органах и большой, серьезный бизнес. Оформлен он был не на него, на то имелись нужные люди: заместители, бухгалтеры, управляющие. Иначе он не мог содержать семью, мать, дочь от первого брака. Но начальство Габриэля всё знало, как и то, что огромные суммы он тратит на благотворительность, а также помогает своему следственному отделению. Ремонт здания, покупка служебных иномарок и еще много чего. Но из-за ужесточения правил начальство испугалось: если узнают про бизнес Габриэля, то и их головы полетят. Поэтому он и лишился любимой работы.

Бизнес остался, деньги остались, а вот дела, которому он посвящал жизнь, больше не было. Габриэля это сильно подкосило. Он не понимал, куда девать неуёмную энергию, как использовать в мирных целях, если не ловить преступников. С личной жизнью у Габриэля все было в порядке, даже слишком. Подруги менялись с космической скоростью. Он был высок, атлетически сложен, широкоплеч, умел произвести впечатление на дам. А лицо могло служить эталоном мужской красоты: четко очерченные скулы, выразительные темно-синие глаза, которые при особом освещении или от гнева становились почти черными, чувственные губы, мужественный подбородок и высокий лоб под копной непослушных, крупно вьющихся смоляных волос. Вот что значит смешанная кровь! Был красивый ребенок, стал красивый мужчина.

С Варварой Абрикосовой он познакомился случайно, и сразу между ними проскочила искра. Но тяжелый Варин характер оказался ему не по зубам. Вступать в легонькие интрижки экс-балерина не собиралась, даже шарахалась от него, словно неопытный тореадор от разгоряченного быка. Она чувствовала напор Габриэля, ощущала его сексуальность, как и любая женщина, но боялась своих чувств. Варвара уже поняла, что пропала, влюбилась впервые в жизни, зато окончательно и бесповоротно. Но в этом она признавалась только себе одной. Разве такой, как Габриэль, сможет хранить верность? У Варвары имелась пара-тройка неудачных романов и толпа отвергнутых поклонников. Сногшибательный мужчина, встретившийся на пути одинокой женщины с несложившейся судьбой, мог окончательно подкосить её здоровье. Страдать не хотела, поэтому и не соглашалась на сближение. Но все равно люди, которые оказывались рядом, чувствовали сумасшедшую энергетику, исходящую от этих двоих.

Третьим в их компании стал Михаил Мефодьевич Кочкин. Некогда подающий большие надежды молодой хирург, он сам поставил крест на карьере. Однажды ночью, дождавшись, когда анестезиолог и эскулап, к которому он попал под опеку, напились и заснули, Михаил взял тяжелейшего сердечника и с таким же юным анестезиологом провел сложную операцию. Без специального оборудования и опыта! Он хотел доказать всему миру, что ему не нужны несколько лет практики «принеси-подай» под присмотром старшего товарища. Он знал, что справится, иначе не стал бы рисковать чужой жизнью.

Парень не учел одного: он не может отвечать за других. Неопытный анестезиолог допустил грубейшую ошибку, и пациент умер. Их судили, после бесчисленных экспертиз анестезиологу дали реальный срок. Михаил пять лет не имел права заниматься медициной, а затем устроился патологоанатомом. Переступить через возникший барьер – прикоснуться скальпелем к живому человеку – он так и не смог. Его педагоги разводили руками: мир потерял гения-хирурга.

Патологоанатомом Михаил тоже стал классным, но все равно потерял работу в то же время, что и Варя с Габриэлем. За несколько дней до самоубийства Вариного партнера покончила с собой гражданская жена Михаила. Проанализировав ситуацию, Михаил отметил: странности в поведении жены начались после того, как она решилась на курс омолаживающих уколов. Доказательств у Миши не было, но он чувствовал – связь есть. А когда ее тело привезли в больницу, где она делала свои «уколы красоты», он понял: виновные сейчас преспокойно заметут все следы! Михаил выкрал останки, то есть опять пошел на преступление...

Инцидент удалось замять благодаря связям Габриэля, тело погибшей женщины вернули, Михаила выгнали с работы, но он успел исследовать ткани и доказал, что жертву напичкали психотропными веществами. Когда все вскрылось, Михаила, как ценного специалиста, пригласили вернуться на службу, но он решил не входить в одну реку дважды. То есть тоже остался не у дел. Тогда-то Габриэль и предложил им всем работать на него. Он собрался открыть частное детективное агентство.

Михаил и Варвара очень сильно удивились.

– Детективное агентство? Неожиданно. Хотя...

– Да! Это то, чем я занимался всю жизнь! Я профессионал! – уверенно заявил Габриэль. – Я умею ловить преступников. Раньше делал это по службе, а теперь начну частную практику. Мне никто запретить не сможет!

– Постойте, мистер «Все могу». Ты – это ты! А при чем тут мы с Мишей? Мы-то полные профаны, – рассмеялась Варвара.

– А вы будете на подхвате, моими помощниками, – самодовольно пояснил Габриэль.

– Ага, то есть ты – Король и Глава, а мы с Мишей – так, «подай-принеси»? – уточнила она. – Зная тебя, как это я сразу не догадалась?

– Не так грубо! Помощники – это же здорово!

– Габриэль, приди в себя! Детективное агентство! Какие мы помощники? Я – балерина, а Миша – ранее судимый патологоанатом. Мы тебе чем поможем? Развалим твоё начинание. Мы в сыском деле ничего не смыслим. Выходи в это плавание один...

– Так я рядом буду! Я вас подстрахую. Я всему научу! Мне нужны люди, друзья, – не сдавался Габриэль.

– Слежки, погони? – уточнил Михаил, пытаясь копнуть поглубже.

– Думаю, скорее слежки, чем погони, – успокоил Габриэль. – Ничего сильно опасного и кровавого. В таких случаях сразу же вызывается полиция. Нам просто придется добывать информацию, улики, доказательства. Делать мир чище и лучше!

– Я даже не знаю... – растерянная Варвара сомневалась, в своем ли он уме.

– Мы тебя всегда защитим! Так ведь, Миша? – потянул искустель за колеблющееся звено, чтобы сломить Варю окончательно.

– Что? Я? Да... Защитим... – неуверенно ответил огромного роста и внушительного веса сорокалетний здоровяк.

– Ты сильный мужчина! Наверняка занимался спортом! Бокс, борьба?

– Я? – испугался Михаил.

– Есть у тебя физическая подготовка? – не унимался Габриэль. – Разряд по какому-то виду спорта, например?

– Есть! – обрадовался Михаил, поняв, наконец, что от него требуется. – У меня по шашкам первый разряд, и в шахматы я умею, и в карты... и в домино, – осёкся он под строгим взглядом Габриэля. – Ну не занимался я активным спортом, честно! Я же не знал, что меня ждет заманчивая перспектива стать помощником детектива, да еще и нести ответственность за хрупкую балерину!

– Ладно, я сам, если что, вас прикрою! А чего вы, собственно, ерепенитесь? У вас есть другая работа? А я буду хорошо платить!

– Ты знаешь, сколько получает прима-балерина? К каким гонорарам я привыкла? – хмыкнула Варя.

– Я же сказал – не обижу! А за каждое раскрытое дело буду выписывать премии! – сулил Габриэль, заманчиво улыбаясь.

Миша тяжело вздохнул:

– Можно попробовать, все равно сейчас без копейки...

– Друзья, вы не пожалеете! Честное слово! – обрадовался Габриэль.

– И как мы назовем детективное агентство? – чисто по-женски поинтересовалась Варвара.

– «Габриэль и Ко»!

– Кто бы сомневался, – протянула Варя, складывая руки на груди и поворачиваясь к Мише. – Он у нас Габриэль, а мы – так, какое-то Ко... Го... если не сказать «вно»...

– Чего ты привязываешься к словам? Будете со мной?

– Я буду, мне деваться некуда, – без особого энтузиазма ответил Михаил.

– А мне еще есть куда деваться, поэтому я попробую себя на испытательном сроке, – решила Варвара.

– А куда ты еще устроишься? – удивился Габриэль.

– Я?! Могу хореографом стать, а могу выйти замуж за богатого поклонника и вообще не работать.

– Это за кого? – округлились глаза у Габриэля.

– Я должна тебе всю подноготную выложить? Отчитываться? Ты меня на службу берешь, а не замуж, вот и молчи! Тебя не должна интересовать личная жизнь сотрудников! – гордо ответила Варвара.

– Так я могу это... и замуж взять, если что... Наладим семейный бизнес, – растерялся Габриэль.

– А меня тогда усыновите! – покатился со смеху Миша.

А Варвара совершенно серьезно добавила, обращаясь к темпераментному итальянцу:

– Я тебя как мужа рассматривать не могу.

– Это почему?

– Несерьезный ты тип, Габриэль, совсем несерьезный...

– Я докажу, что серьезнее меня и нет никого, только ты смотри до этого замуж не выскочи, а то потом сожалеть придется, – прищурился Габриэль.

Русский итальянец вообще обладал способностью совершать весьма странные поступки. Еще на заре их знакомства после бандитского нападения на дом, где он жил с мамой, Габриэль приобрел двухэтажный таунхаус с двумя входами и предложил Варваре поселиться вместе.

– Ты со своей мамой в одном крыле, я со своей – в другом. А что? Хороший особнячок, да и мамы наши станут ходить друг к другу в гости, не скучно им будет, а мне не так страшно будет оставлять маму, зная, что она не одна в доме.

– Мне дарили украшения, шубы и даже автомобиль, а вот жилье еще нет, да еще такое – с двумя входами, чтобы мамы в гости ходили. Боюсь, я буду вынуждена отказаться, – ответила Варвара.

– Да это не то, что ты думаешь! Просто все совпало! У моих друзей давно свои дома, а тут ты вдвоем с мамой и я вдвоем с мамой. Вы приличные люди! Где я еще таких соседей найду? К тому же у моей мамы сложнейший характер. Ей не понравилась ни одна из тех женщин, что появлялись рядом со мной. Вот только ты и приглянулась.

– Может, мне теперь и замуж за тебя пойти, раз уж я приглянулась твоей матери? – усмехнулась Варвара.

– Может, и придется. Мало того, наши родительницы подружились, и твоя мама не против соседства. Дело только за тобой! Не упрямясь, не разрушай людям жизнь!

Участь Варвары была решена: она не хотела разрушать жизнь людям и согласилась жить дружной, хоть и не совсем нормальной семьей в одном доме из двух половин с равным количеством комнат. Габриэль не обманул. Поселок был абсолютно новый, только начал заселяться. У них с Габриэлем имелись по два места для машин. Варвара не умела водить, даже учиться не хотела. Балерина была рассеянна, дезорганизована и совсем не чувствовала себя автоледи. Ее возили знакомые мужчины, общественный транспорт и такси. Поэтому Габриэль попросил разрешение занять ее машино-места своими многочисленными «лошадками».

– Да пожалуйста – ответила Варвара. – И еще у меня убедительная просьба: весь дом должен принадлежать тебе, а мы с мамой живем как квартиранты, но без оплаты.

– Варя, что бы ни произошло, я не попрошу вас съехать. Может, все-таки оформим документально, чтобы не возникло вопросов? – предлагал Габриэль. – Мало ли что со мной случится?

– Нет, это ни к чему, перебор, – отказалась она.

– Хорошо, как скажешь, – не стал давить Габриэль, чтобы не спугнуть удачу.

Мамы Габриэля и Варвары поселились в одном доме, их дети иногда гостили у них, но Варвара предпочитала свою «двушку», а Габриэль – гостиницу.

– Это просто рай какой-то! – восторгалась Ольга Петровна Абрикосова, любуясь из окна живописным пейзажем и чистой речкой.

– Угу, – соглашалась Варя.

– И Габриэль такой милый мальчик! – продолжала радоваться Ольга Петровна. – В первый раз вижу такую бескорыстность! Взял и сделал доброе дело для чужих людей и для своей матери, конечно, тоже. Кто бы еще стал жить рядом с такой сварливой особой. Но я подозреваю, Габриэль потребует от тебя сексуального участия в своей жизни не сейчас, так в дальнейшем...

– Мама, как ты у меня странно выражаешься! Сексуальное участие в жизни! В смысле мы станем любовниками? – подняла идеальную бровь Варвара.

– Именно! И знаешь, что я думаю...

– Хотелось бы знать! – прищурилась Варя. – У тебя всегда были такие высокие моральные устои!

– Были и есть. Надеюсь, что-то привила и тебе! Не надо спать за деньги, не надо встречаться с женатыми.

– А за таунхаус можно? – уточнила Варвара, поперхнувшись утренним кофе. – Я имею в виду спать?

– Габриэль не женат.

– Он бабник, и это не исправляется, ты знаешь...

– Может, и бабник, но ему пора остепениться. Так говорит его мама.

– Ага, тут и подвернулась поломанная балерина. Надеетесь посадить меня за кастрюлю с борщом возле его мамы! Нет уж, не выйдет! Дом его, я настояла, изначально была вообще против, а так живи пока! Но с кем мне спать, решать буду я!

– Дурочка горделивая, – покачала головой Ольга Петровна, – ты меня не дослушала! Я хотела сказать, что Габриэль благороден и не потащит тебя в постель! Он хорошо к тебе относится, но без сексуальной подоплеки. Его мама утром шепнула, что к мальчику приехала невеста.

– Кто?! – отказывалась понимать Варвара, не сумевшая скрыть ошеломление.

– Девушка. Его девушка, они раньше были вместе, а теперь она снова с Габриэлем. Что с тобой, Варя? На тебе лица нет. Ты так побледнела! Всё твердила, что тебе плевать на него, вот я и не стала скрывать... Если бы я знала, что это заденет твои чувства, то была бы осторожней в суждениях! Дочь, очнись, ты пугаешь меня!

– Где она? Его девушка? – спросила Варвара, не чувствуя ног.

– Как где? Светлана Ивановна приняла гостью на своей половине дома. Я видела ее издали, очень красивая молодая девушка, такая улыбчивая и веселая. Варя, с тобой точно все хорошо? Габриэль же мужчина, он не может быть один...

– Вот и отлично! – Варвара опустила взгляд в чашку с черным кофе, проваливаясь в эту темноту, точно в колодец.

«И зачем я только согласилась приехать сюда? Чтобы видеть его с молодыми красивыми девушками и каждый раз умирать от боли?!»

Глава вторая

– Очнись! Что с тобой? – бесцеремонно пихнул ее локтем Михаил. – Говорю тебе, говорю, а ты словно не здесь!

– Ой, прости! Задумалась! – пришла в себя Варвара.

Они сидели с Михаилом в уютном итальянском кафе, поджидали Габриэля, который назначил им встречу. Обычно босс не опаздывал, но не в этот раз.

– Ты сегодня какая-то не такая, – отметил Михаил.

– Плохо спала, да и настроения нет, – пояснила Варвара, нервно раскачивая ногой столь идеальной формы, что Микеланджело, у которого не было такой модели, искусал бы себе все локти.

Миша, уплетающий уже второй кусок медовика, недоуменно посмотрел на Варю:

– С ума сошла! Мало тебе? Красивая, да еще подфартило в таком чудном месте под Новый год оказаться!

– К-каком месте? – икнула Варя.

– В вашем доме в этом крутом поселке. Сейчас еще и работа непильная ждет, хороший оклад. Между нами, не знаю, что получится у Габриэля, но он сорит деньгами только так. Очень щедрый парень, этим надо воспользоваться. Чего тебе не хватает?

Варвара закатила глаза и надрывно ответила, заламывая руки в трагичном жесте:

– Простого бабьего счастья!!!

Миша нервно обернулся:

– Тише ты! На нас смотрят!

– Да никого нет, очень рано! Все нормальные люди еще спят!

– Полстраны одиноких баб, между прочим. Это не повод убиваться, да еще такой красотке. Ты бы лучше пирожное заказала, съела его и сразу бы подобрела.

– Не тянет, сладкое не по мне. Лучше уж морковный сок.

– Надо жизнь любить! Поверь мне, бывает намного хуже, – сказал Михаил.

Пожалуй, ему, как человеку, много лет проработавшему в морге, можно было верить.

Кафе было маленьким и до отвращения светлым. Белые скатерти, белые стены, белые стулья, и только на каждом столике ярким зеленым пятнышком красовалась маленькая ёлочка, украшенная крошечными игрушечками. На ней-то и сфокусировался взгляд Варвары.

– Вот в чем загвоздка!

– В чем? – не понял Миша.

– В этом мелком зеленом деревце, увешанном яркими безвкусными украшениями!

– Это ёлка! Варя! Новый год через неделю! Все радуются, ждут! Люди полны надежд и ожиданий, все улыбаются, суетятся. Ты не заболела? – заерзал на стуле Михаил.

Варя даже на кофе перестала дуть.

– Ты серьезно думаешь, что радуются все без исключения? Новый год! Давайте вырубим все елки и обвесимся гирляндами! Да это происки злых троллей!

– Ну почему, все человечество обожает этот праздник! Тут происки, скорее, добрых фей, если говорить на твоём языке. Может, есть и недовольные. Кто-то в больнице, кто-то в тюрьме... – развел руками Миша.

– Я вот и не в больнице, и не в тюрьме, но мне совсем не весело, – огрызнулась Варвара и разразилась монологом: – Когда я была маленькой, то очень любила Новый год. Так нарядно, так красиво. По телевизору шли мультки и веселые фильмы, мама делала мне подарки. Я, как все дети, с трепетом разворачивала яркие обертки в предвкушении чуда. Вот! Я поняла, в чем дело! Пропал трепет, с возрастом становишься циничнее, злее и немного бездушнее. Ты все можешь предугадать, предсказать.

– Жизнь такая тяжелая. Окружающие не виноваты, надо беречь в себе это чувство. Не озлобиться – тяжелая работа над собой, – возразил Михаил.

– Не знаю. Мне кажется, это больше праздник детства...

– Не согласен. Людям в любом возрасте хочется, чтобы и в следующем году у них все сложилось, хочется еще пожить, еще порадоваться. И старики в богадельнях празднуют, и дети, – спорил с ней Михаил.

– Видимо, ты записался в ряды Дедов Морозов? Вот только меня с таким настроем в Снегурки брать нельзя. Хотя это был бы реальный заработок в отличие от туманных перспектив с Габриэлем.

– Я серьезно! – смутился Миша.

– Когда я стала балетом заниматься, а это раннее детство, мне запретили сладкое. Только на Новый год и давали конфетку. А еще в доме всегда появлялась живая елка с колючими иголками, пахло хвоей. Я готова была часами сидеть под деревцем и дышать лесным воздухом. Для меня, городской девочки, это было общение с природой. Вот тогда было чудо, а сейчас одни искусственные заменители. – Варя длинными изящными пальцами потрогала искусственные иголки и разочарованно махнула рукой: – Но ты меня заставил задуматься.

– О чем?

– О том, что я эгоистка, думаю только о себе. Есть люди, которые живут бедно, но счастливы. Те, кому никто ничего не подарит, но они не унывают. А я тут сижу, на судьбу жалуясь. Может, мне нечем заняться в новогоднюю ночь?

– В смысле заняться?

– Ну, не могу я сидеть со скучающей физиономией за новогодним столом, – пояснила она.

– Ты одна осталась? – занервничал Михаил. – Поехали к моим друзьям! Я тоже один. А что, не сложилось у тебя с нашим красавцем-боссом?

– У нас и не складывалось никогда ничего, – с напускным безразличием ответила Варя. – А сегодня утром на его половине дома появилась какая-то красotka.

– Понятно... Хотя чему удивляться? Он нормальный взрослый мужик. Ты думала, он тебя будет ждать? Уж мне не жалуйся, предлагал он тебе и не раз! Одни только взгляды чего стоили! Естественно, женщины будут у Габриэля везде и всегда.

– Радует слово – везде! – заставила она себя развеселиться.

– Не утрируй, ты понимаешь, о чем я...

– Да мне все равно! Пусть хоть каждый день меняет любовниц, что он, видимо, и делал всю жизнь!

– По тебе не скажешь, что тебе все равно, – покосился на нее Михаил. – Но если что, мое предложение по встрече такого печального праздника в силе...

– Спасибо. Я учту. Но у меня много своих друзей, я всегда найду место, где пристроиться... Пристроиться? – повторила она неприятное слово, словно пробуя его на вкус.

И тут Михаил изменился в лице. Варя обернулась и остолбенела. К ним широким шагом эффектно приближался Габриэль в темных брюках и светло-кремовом свитере, связанном крупными красивыми косами. Черное утепленное пальто он перекинул через руку. А следом семенила весьма аппетитная особа.

Это была молодая женщина с длинными ногами и роскошной грудью, которая шла впереди хозяйки. Исключительной красоты рыжие волосы ниспадали на плечи замечательными яркими кудряшками. Ей было не больше тридцати, она была ухожена и явно знала толк в макияже: зеленые глаза слегка подведены, большой улыбочивый рот умело напылен ярко-алым. Девушка, как и Габриэль, излучала позитив и сексуальность. Да уж, сексом от них сквозило на несколько километров.

– Здравствуйте, друзья! Простите, задержался. Пока Лена собралась... Леночка, это Варвара и Михаил, надеюсь, что мои будущие сотрудники. А это – моя знакомая Лена.

Неуклюжий Михаил, несмотря на внушительные габариты, резво поднялся и галантно поцеловал руку с длинными и острыми ногтями – не агрессивного окраса, а с благородным французским маникюром.

– Очень приятно! – прозвенела колокольчиком девушка.

А вот Варвара саму себя не узнавала. Она, конечно, не «мисс позитивчик», но все-таки воспитанная женщина. Но не смогла даже привстать, а язык со словами приветствия приклеился к нёбу, словно она зло- употребила сладостями, запихнув в рот килограмм липкой сладкой ваты.

Габриэль помог своей даме снять полушубочек из белоснежной норки, оставив ее в маленьком ядовито-оранжевом платье из трикотажа. Так как Леночкины волосы легли на плечи тяжелой волной, она стала напоминать эдакую жизнерадостную морковку. Варе даже расхотелось свежевыжатого сока, от яркого цвета и так рябило в глазах.

– Что тебе заказать? – поинтересовался Габриэль, открывая меню.

– Свежевыжатый морковный сок! – заявила Лена, и Варвара поперхнулась своим кофе.

– Что с вами? – участливо откликнулась Лена.

– Так... кхе-кхе, ничего... Вам подходит... морковный сок.

– Мне? Ах да! Я согласна! – засмеялась девушка, совсем не обидевшись. – И еще мне мое любимое пирожное.

– Безе? – уточнил Габриэль.

– Ага! Спасибо! Ты помнишь! – еще звонче рассмеялась Лена. – Да, дорогой, безе и клубнику! Я обожаю клубнику! А вы, Варя? По-моему, все женщины без ума от клубники!

– Я – нет. Я люблю горький шоколад, – мрачно посмотрела на прелестницу Варвара.

– И еще мне глазунью из двух яиц, – закончила Леночка.

– Тоже ваши любимые? – не сдержалась Варя.

– О, я страшно люблю яйца – и вареные, и жареные, и омлеты, и даже гоголь-моголь. А вы любите яйца? – щебетала Елена Прекрасная.

– Терпеть не могу, – честно ответила Варя.

И почему ее так раздражает эта красивая и доброжелательная молодая женщина?

– Я смотрю, вы ограничились кофе? – почему-то внимание новой знакомой сконцентрировалось на ней.

– У вас хорошее зрение.

– Ой, как здорово вы шутите! – захлопала в ладошки Лена. – У нас совсем разные вкусы в еде! Надеюсь, мы не совпадем и в пристрастиях к мужчинам! Тогда точно не поссоримся.

Габриэль и Варвара перекинулись взглядами.

– А при чем тут мужчины? – Варя сделала вид, будто не поняла намека.

– Я ревную Габриэля, он так нравится женщинам. Когда мы были вместе, я, дурочка, даже радовалась, что он полицейский. Там кругом одни мужики, что коллеги, что преступники. Я бы сошла с ума, уезжай он каждое утро, например, в модельное агентство. Ему бы там прохода не давали! Но Габи, к счастью, решил открыть детективную контору, это что-то вроде его прежней работы, связано с поимкой преступников. И вот я вижу коллектив, с которым ему предстоит работать. Я теперь спокойна!

Михаил вытаращился на нее. Лена даже не поняла, как сглупила со своей шуткой. Подумать только, она будет ревновать своего мужчину ко всем, кроме Варвары! Словно та была единственной женщиной, на которую он не обратил бы внимания. Дескать, Лена увидела, какая страшная тётка будет работать с Габи, и успокоилась. Да и что это за Габи?

Варя задумчиво посмотрела в кофейник с зеркальной поверхностью. Там отразилась очень красивая блондинка с яркими выразительными глазами, стильным незаурядным лицом и идеальной шеей. Да, не первой молодости, но выглядит хорошо и не заслуживает пренебрежительного отношения от дерзкой девицы. Чем та лучше? Только тем, что когда-то ей удалось

пожить с «мистером Совершенство»? Велика заслуга! Хотя, похоже, Лене это удастся повторить.

– Что повторить? – не понял Габриэль.

– Я это вслух? – испугалась Варвара. – Что-то совсем контроль над собой теряю.

Подбежала официантка. Габриэль заказал яичницу, пирожное-безе и сок. Себе он взял кофе и сэндвич, повторил кофе для Варвары.

– Девушка, а есть ли у вас горький шоколад? – спросил он.

«Не забыл!» – возликовала Варя и зачем-то показала язык Лене. Никто другой этого не видел. Зато у Лены глаза стали очень большими и не такими самодовольными, как секундой ранее.

– У нас есть шоколадный торт, – ответила официантка.

– Нет, это не пойдет.

– Больше ничего шоколадного нет, – развела руками девушка.

– Это эксклюзивный десерт и подается не везде, – согласилась Варвара. – Это не сок из морковки выжать! – зачем-то добавила она и снова показала язык. Но на этот раз ее выходку засек Миша и фыркнул, пряча улыбку.

– Так чего же вы здесь сидите и желчь источаете? Вам ловить нечего! Тут нет шоколада! – развалилась на своем стуле Лена, фривольной позой подчеркивая изгибы своего тела.

– Что источаю? – не поняла Варвара.

– Ну все, хватит, – прервал их Габриэль. – Вам действительно делить нечего. Я сам пригласил сюда своих друзей, и не тебе их выгонять, – осадил он Лену.

– Дорогой, я не хотела никого обижать. Просто Варя смотрит на меня так, словно уже недолюбливает, даже язык показывает. Это нормально?! Она же твоя подчиненная и вести себя должна подобающе. Хотя я привыкла к гримасам твоих подружек. Все, с кем ты переспал, именно так смотрят друг на друга. Одна я такая...

– Дура? – прервала ее Варвара.

– Не ревнивая! Мне все равно, что там было в твоей жизни, – обратилась она к Габриэлю. – Я не превращу твою жизнь в ад в отличие от нее!

Габриэль перестал улыбаться.

– Это была плохая идея, – вздохнул Михаил.

– Поговорим о работе, – сухо произнес Габриэль. – Я нашел помещение под офис. Да что там говорить, я выкупил его.

– Арендывал? – уточнил Михаил.

– Выкупил... – Габриэль назвал адрес. – Осталось навести порядок. Сегодня завезут мебель, компьютеры, оргтехнику. Все хотят успеть до каникул, все спешат... И с нового года мы уже сможем приступить к работе.

– Вряд ли клиенты так и посыплются, – недоверчиво произнес Миша, допивая кофе.

– Конечно, клиентскую базу надо наработать. Ничего не бывает просто так. Но я дам рекламу. У меня есть связи...

– У меня есть знакомый рекламщик, – оживилась Варя.

– Очень хорошо! А мне ребята из органов обещали на первых порах подкинуть заказов. К ним часто обращаются со странными просьбами. «Проследите за моей женой», «Мне кажется, меня хотят убить», «Мне страшно, кто-то ходит по моей квартире», – озвучил Габриэль некоторые, по его мнению, странные просьбы.

Михаил протер глаза и нахмурился.

– Хочешь сказать, к нам ломанутся психи и ревнивцы?

– Необязательно. Среди них будут и обычные люди, которым на самом деле нужна помощь. Просто полиция может подключиться, когда что-то уже сделано. То есть произошло

преступление и его надо расследовать. А пока состава преступления нет, серьезно и профессионально выручать людей станем мы, – гордо заявил Габриэль.

– Чем тебе помочь? – спросила Лена. – Я тоже хочу поучаствовать в твоей жизни хоть чем-то...

– С вами он будет отдыхать дома после тяжелого рабочего дня, – парировала Варвара.

– А мне подойдет такая должность, – заулыбалась нахалка и приобняла Габриэля за плечи.

«Глаза бы мои вас не видели!» – подумала Варя, достала телефон и выбрала из телефонной книги нужный номер.

– Приезжай за мной! – скомандовала она и назвала адрес. – Кафе тут такое итальянское, маленькое и невзрачное, и шоколада здесь нет! – В голосе Варвары появились истерические нотки с капризным послевкусием. – Что значит когда? Прямо сейчас! – И она отключила связь.

– Оригинально разговариваешь: ни здравствуй тебе, ни до свидания, – отметил Михаил, чувствуя себя лишним в этом треугольнике страсти, злости, секса и любви.

– Да, Варвара не очень культурна. Ее нельзя секретарем брать, – поджала губы Лена.

– Каким секретарем? – не понял Михаил.

– Ну а кем собирается работать Варвара? Ведь секретаршей же? – распахнула зеленые глазищи Елена Прекрасная.

– Помощницей взял, а там всякие разные дела, – почесал затылок Габриэль.

– Мне больше нравится секретаршей... – Варвара пощекотала его под подбородком, словно кота. – Это же почти всегда – любовница шефа. Вот и зажжем! Прямо в офисе! – подмигнула она Лене. – Вот и твоя девушка не против, она у тебя не ревнивая.

Михаил прыснул со смеху, а вот Лене такой расклад явно не понравился.

– Чего смешного? Габриэль, что за унижения?!

– Успокойтесь все. Черт! Еще сели в зале для некурящих, – он огляделся и обратился к Варе: – А кому ты звонила?

– А вот это не твое дело! Совсем! Это – моя личная жизнь! Смотри пункт первый – босс не вмешивается в личную жизнь сотрудников, – отчеканила Варя. – Или ты удивлен, что у меня есть личная жизнь?

– Я рад за тебя! – немного резковато для демонстрации искренней радости ответил Габриэль и повернулся к Михаилу: – Я должен улететь из страны на несколько дней, а офис надо привести в порядок уже сейчас. Нужно получить оборудование, которое я заказал. Вот я и хотел попросить вас о помощи. Разберетесь без меня?

– Конечно, не вопрос! Все сделаем! – заверил Миша.

– Ты заставишь своих бедненьких, несчастненьких сотрудников работать в Новый год? Пока сам будешь зажигать на Гоа? – Лена ехидно посматривала в сторону Варвары.

– Я не развлекаться, а по делам, – нахмурился Габриэль.

– Да хоть с девочками на Гоа, нам с Мишей все равно, мы свое отработаем. Можешь на нас положиться, мы не подведем! Мы – ответственные люди с высшим образованием! – Варвара насмешливо покосилась на Лену. – А теперь мне пора! Вроде обо всем договорились. Офис твой, пан директор, помоем, почистим, мебель примем, расставим. И будем ждать своего господина! – подняла она обе руки, как преданная собачка поднимает лапки, и сделала несколько шумных «собачьих» вздохов.

Варвара встала и направилась к вешалке, где висела ее дубленка насыщенно-красного цвета. Затем легко сделала вертикальный шпагат, уперлась пяткой в вешалку и поправила сапог. Это впечатлило окружающих, особенно поразила непринужденность позы.

– Миша, заплатишь за кофе, а вторую порцию я не заказывала, – кинула она Мише на ходу.

– Я сам все, – пообещал Габриэль, вскочивший следом, и помог надеть дубленку. – Я провожу тебя!

Они вышли на серую слякотную улицу.

– Варя, ты какая-то не такая сегодня. Извини, если что... Я даже... Лена, она...

– Помолчи. Все хорошо, но я не обязана дружить с твоими пассиями!

– Придется. Ты же работаешь на меня, а они будут иногда приезжать, так что держи себя в руках, – ответил Габриэль с усмешкой.

Варваре захотелось стукнуть его по наглой физиономии.

– Значит, все-таки они? Не одна Лена?

– Не одна, – согласился он. – Другие были и будут. А чего ты на меня смотришь? Я не женат, никому не изменяю. Кстати, тебя подвезти?

– А Лену Миша утешит? Ты добрый парень, – усмехнулась Варя. – Нет уж, спасибо! За мной приехали! – И она с улыбкой замахала рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.